

ОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ
основано в июле 1961 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 9 ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

от 26 апреля 2022 г.

О дополнении состава Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации

Пленум Верховного Суда Российской Федерации постановляет:

В состав гражданско-правовой секции Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации включить:

Кирпичева Александра Евгеньевича — доктора юридических наук, доцента;
Кулакова Владимира Викторовича — доктора юридических наук, профессора.

*Председатель Верховного Суда Российской Федерации
В.М. ЛЕБЕДЕВ*

*Секретарь Пленума, судья Верховного Суда Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ*

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 11 ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

от 31 мая 2022 г.

О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 года № 19 “О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление”

В связи с возникающими в судебной практике вопросами Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации”, постановляет внести изменения в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 года № 19 “О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление”:

1) второе предложение абзаца второго пункта 3 после слов “К таким посягательствам отно-

сятся, например,” дополнить словами “незаконное проникновение в жилище против воли проживающего в нем лица, не сопряженное с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия,”;

2) пункт 8 дополнить абзацем вторым следующего содержания:

“защита была осуществлена при обстоятельствах, свидетельствующих о наличии реальной угрозы совершения общественно опасного посягательства, а действия оборонявшегося лица непосредственно предшествовали такому посягательству и были направлены на его предотвращение (например, посягающее лицо высказывало угрозу

немедленного применения насилия в условиях, при которых у оборонявшегося лица имелись основания опасаться осуществления этой угрозы, направляло в сторону оборонявшегося лица оружие, что свидетельствовало о намерении посягающего лица применить это оружие непосредственно на месте посягательства);”;

3) пункт 9 дополнить абзацем вторым следующего содержания:

“Вместе с тем не могут признаваться провокацией нападения правомерные действия лица, в том числе направленные на пресечение нарушения общественного порядка.”;

4) пункт 13 дополнить абзацем седьмым следующего содержания:

“При проверке доводов подсудимого о совершении общественно опасного деяния в состоянии необходимой обороны суд обязан исходить из принципа презумпции невиновности (часть 3 ста-

ты 14 УПК РФ), в том числе учитывать, что подсудимый не обязан доказывать свою невиновность или наличие в его действиях признаков менее тяжкого преступления. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых подсудимым в свою защиту, лежит на стороне обвинения, а все сомнения в наличии состояния необходимой обороны и (или) виновности лица, обвиняемого в превышении ее пределов, которые не могут быть устранены в порядке, предусмотренном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, толкуются в пользу подсудимого.”.

*Председатель Верховного Суда
Российской Федерации
В.М. ЛЕБЕДЕВ*

*Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ*

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Спор об установлении границ земельного участка подлежит разрешению в порядке искового производства с привлечением к участию в деле правообладателей смежных земельных участков

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 5 октября 2021 г. № 18-КГ21-114-К4*

(Извлечение)

Ч. и А. обратились в суд с заявлением об установлении факта существования границ земельного участка № 1 на местности, указав, что являются собственниками данного земельного участка (по 1/2 доли в праве общей долевой собственности) площадью 509 кв.м, категория земель — земли населенных пунктов для ведения личного подсобного хозяйства.

По заявлению Ч. и А. кадастровый инженер П. выполнил кадастровые работы по уточнению местоположения границ и площади спорного земельного участка и определил, что по фактически сложившимся границам размер земельного участка составляет 964 кв.м, по сведениям Единого государственного реестра недвижимости (далее — ЕГРН) его площадь равна 509 кв.м, разница в площади составляет 455 кв.м. В связи с отсутствием документов, определяющих местоположение границы земельного участка и необходимых для подготовки межевого плана, межевой план в виде электронного документа изготовлен не был.

Решением суда первой инстанции заявленные требования удовлетворены: установлен факт существования границ земельного участка

№ 1 на местности; на кадастрового инженера П. возложена обязанность выдать межевой план на земельный участок в виде электронного документа в соответствующих координатах для предъявления в государственный кадастр недвижимости. Суд также указал, что данное решение является основанием для осуществления органом регистрации прав на недвижимое имущество учета изменений характеристик спорного земельного участка на основании межевого плана и представленного заявления без истребования и представления иных документов и справок в указанных координатах.

Апелляционным определением суда апелляционной инстанции апелляционная жалоба В. на решение суда первой инстанции оставлена без рассмотрения.

Определением судебной коллегии по гражданским делам кассационного суда общей юрисдикции апелляционное определение оставлено без изменения.

Разрешая заявление Ч. и А., суд первой инстанции пришел к выводу о том, что кадастровым инженером необоснованно отказано в изготовлении межевого плана земельного участка в электронном виде, поскольку заявители владеют и пользуются принадлежащим им земельным участком в фактически сложившихся границах с закреплением природных объектов или объектов искусственного происхождения, позволяющих определить местоположение его границ. При этом, как указал суд, без установления факта существования границ земельного участка на местности заявители лишены возможности установить фактические границы данного земельного участка и внести сведения о них в ЕГРН.

Суд также указал на то, что спор о праве отсутствует, а заявленный факт не может быть установлен в ином порядке.

В. обратилась в суд с апелляционной жалобой на данное решение суда, ссылаясь на то, что имеется спор о праве на земельный участок; обжалуемым судебным актом нарушены ее права, поскольку принадлежащий ей земельный участок является смежным с земельным участком заявителей, при составлении межевого плана границы спорного земельного участка с ней не согласовывались, часть земельного участка заявителей пересекает большую часть ее земельного участка, используемого В.

При рассмотрении апелляционной жалобы судом апелляционной инстанции установлено, что В. является собственником земельного участка № 4, смежного с земельным участком № 1 и образованного из ранее сформированных земельных участков № 2 и № 3. Право собственности В. на вновь образованный земельный участок зарегистрировано 4 октября 2019 г.

Оставляя апелляционную жалобу без рассмотрения по существу, суд апелляционной инстанции исходил из того, что обжалуемым решением вопрос о правах или обязанностях В. не разрешался, она не могла быть привлечена к участию в деле в связи с отсутствием у нее на момент рассмотрения дела права собственности на земельный участок № 4.

Также судебная коллегия указала на то, что В. не являлась стороной возникших правоотношений, поскольку спорный земельный участок № 1 ей либо иным лицам не принадлежал, являясь земельным участком неразграниченной государственной собственности.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами суда апелляционной инстанции, указав на то, что наличие у В. заинтересованности в исходе данного дела, независимо от доводов жалобы, не касающихся каких-либо ее прав и обязанностей при разрешении заявленного спора, само по себе не свидетельствует о нарушении прав и законных интересов судебным актом, принятым по существу спора, и не наделяет ее правом на обжалование такого судебного акта. При этом несогласие заявителя с границами земельных участков и результатами межевания не лишает ее права на защиту своих интересов в ином порядке, в том числе посредством обращения в суд с самостоятельным иском.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, рассмотрев 5 октября 2021 г. дело по жалобе В., пришла к выводу, что при рассмотрении дела судами апелляционной и кассационной инстанций были допущены существенные нарушения норм процессуального права, вызвавшие в следующем.

Как указывала В., в нарушение норм ч. 1 ст. 196, ст. 197, ч. 1 ст. 320, ч. 1 ст. 327, ч. 1 ст. 327¹ ГПК РФ, а также разъяснений, содержащихся в пп. 2 и 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 “О судебном решении”, суд апелляционной инстанции не дал пра-

вовую оценку ее доводам, не исследовал дополнительно представленные доказательства.

Так, судом апелляционной инстанции установлено, что В. на праве собственности принадлежит земельный участок № 4, который является смежным по отношению к спорному земельному участку № 1. Земельный участок № 4 образован из ранее сформированного земельного участка № 2 и части земельного участка № 3, право собственности на вновь образованный земельный участок зарегистрировано в ЕГРН 4 октября 2019 г.

При рассмотрении апелляционной жалобы В. судебная коллегия сослалась на то обстоятельство, что на момент принятия обжалуемого судебного акта заявитель не являлась собственником земельного участка № 4 и смежным землепользователем, в связи с чем не могла быть привлечена к участию в деле.

Между тем судом апелляционной инстанции не учтено, что на момент рассмотрения дела в суде первой инстанции В. являлась собственником земельного участка № 2, смежного со спорным земельным участком № 1, что подтверждается договором купли-продажи от 13 ноября 2017 г., определением районного суда г. Сочи от 14 сентября 2018 г., выпиской из ЕГРН. Это обстоятельство являлось существенным и подлежало проверке судом апелляционной инстанции при рассмотрении апелляционной жалобы В.

В соответствии с ч. 1 ст. 39 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ “О кадастровой деятельности” местоположение границ земельных участков подлежит в установленном этим Законом порядке обязательному согласованию с заинтересованными лицами в случае, если в результате кадастровых работ уточнено местоположение границ земельного участка, в отношении которого выполнялись соответствующие кадастровые работы, или уточнено местоположение границ смежных с ним земельных участков, сведения о которых внесены в ЕГРН.

Таким образом, при составлении кадастровым инженером П. межевого плана на спорный земельный участок № 1 в новых границах требовалось согласование границ земельного участка с собственником смежного земельного участка В., чьи права и законные интересы нарушены изменением границ спорного земельного участка.

Согласно ч. 10 ст. 22 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ “О государственной регистрации недвижимости” при уточнении границ земельного участка их местоположение определяется исходя из сведений, содержащихся в документе, подтверждающем право на земельный участок, или при отсутствии такого документа исходя из сведений, содержащихся в документах, определявших местоположение границ земельного участка при его образовании. В случае отсутствия в документах сведений о местоположении границ земельного участка их местоположение определяется в соответствии с утвержденным в установленном законодательством о градостроительной деятельности порядке про-

ектом межевания территории. При отсутствии в утвержденном проекте межевания территории сведений о таком земельном участке его границами являются границы, существующие на местности 15 и более лет и закрепленные с использованием природных объектов или объектов искусственного происхождения, позволяющих определить местоположение границ земельного участка.

Суд апелляционной инстанции в нарушение положений названного выше Федерального закона, указав на отсутствие принадлежности спорного земельного участка В. либо иным лицам, оставил без внимания и правовой оценки доводы В. о том, что земля неразграниченной государственной собственности площадью 455 кв.м, за счет которой под предлогом уточнения границ был увеличен спорный земельный участок № 1, много лет находилась в фактическом пользовании С. (правопредшественник В.), а не заявителей Ч. и А. Каких-либо доказательств, свидетельствующих о заявленных границах спорного земельного участка, существующих на местности 15 и более лет, представлено не было. Кроме того, как указывала заявитель, часть земельного участка Ч. и А. пересекает большую часть земельного участка, используемого В.; через спорную землю обеспечивается свободный проход и проезд на улицу к местам общего пользования.

Как разъяснено в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 июня 2012 г. № 13 “О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции”, в силу ч. 4 ст. 13 и ч. 3 ст. 320 ГПК РФ лица, не привлеченные к участию в деле, вправе обжаловать в апелляционном порядке решение суда первой инстанции в случае, если данным решением разрешен вопрос об их правах и обязанностях, т.е. они лишаются прав, ограничиваются в правах, наделяются правами и (или) на них возлагаются обязанности. При этом такие лица не обязательно должны быть указаны в мотивировочной и (или) резолютивной частях судебного постановления.

При указанных обстоятельствах доводы В. о том, что обжалуемое судебное решение существенно ограничивает ее права на свободное пользование принадлежащим ей земельным участком № 4 и расположенным на нем жилым домом, а также о том, что судом первой инстанции данное дело незаконно рассмотрено в порядке особого производства при наличии спора о праве, должны были быть учтены и проверены судом апелляционной инстанции при рассмотрении апелляционной жалобы В.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение суда апелляционной инстанции и определение судебной коллегии по гражданским делам кассационного суда общей юрисдикции, а дело направила на новое апелляционное рассмотрение.

Требование кредитора, аффилированного с физическим лицом — банкротом, о возврате компенсационного финансирования, предоставленного в виде отказа от принятия мер к истребованию задолженности, не подлежит понижению в очередности (субординации)

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 30 сентября 2021 г. № 305-ЭС19-27640(2)

(Извлечение)

Гражданин Г. (далее — должник) получил от аффилированного с ним общества (займодавца) денежные средства, оформив сделку тремя договорами займа.

В последующем в отношении гражданина С. (брата должника) возбуждено дело о его банкротстве.

Затем общество, должник и гражданин С. заключили три договора, по которым перевели на гражданина С. долг должника по договорам займа и проценты за пользование займом.

Гражданин С. долг не погасил, был признан банкротом и впоследствии в отношении него завершена процедура реализации имущества.

Позднее были признаны банкротами общество и должник.

В деле о банкротстве общества суд признал недействительными договоры о переводе долга, так как они были совершены аффилированными лицами во вред кредиторам общества: ликвидные к погашению требования к платежеспособному гражданину Г. (в том числе ввиду того, что тот унаследовал имущество умершего отца) заменены на неликвидные требования к неплатежеспособному гражданину С. (отказался от наследства). Суд восстановил требование общества к гражданину Г. по возврату займа.

Общество в лице конкурсного управляющего потребовало включить это требование в реестр требований кредиторов должника, что и явилось предметом данного обособленного спора.

Определением суда первой инстанции требование общества признано обоснованным и подлежащим удовлетворению в порядке очередности, предшествующей удовлетворению ликвидационной квоты.

Постановлением арбитражного апелляционного суда, оставленным в силе постановлением арбитражного суда округа, определение суда первой инстанции изменено: суд признал требования общества подлежащими удовлетворению за счет имущества, оставшегося после удовлетворения требований, включенных в реестр кредиторов должника. Суды понизили очередность удовлетворения требований общества ввиду его аффилированности с должником и предоставлением последнему компенсационного финансирования, выразившегося в непринятии кредитором мер к истребованию задолженности при наступлении срока исполнения обязательства.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 30 сентября 2021 г. изменила принятые судебные акты и установила, что требования общества подлежат учету в третьей очереди реестра требований кредиторов должника в связи со следующим.

Разногласия сторон настоящего обособленного спора сводились к определению очередности удовлетворения требований кредитора физического лица — банкрота в условиях аффилированности кредитора с должником.

При разрешении данных разногласий суды руководствовались правовой позицией, изложенной в пп. 3.1, 3.2 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 29 января 2020 г., далее — Обзор о субординации).

Правовая позиция о возможности субординации требований кредиторов должника — физического лица ранее неоднократно излагалась Судебной коллегией при разрешении судебных споров и сводится к тому, что положения Обзора о субординации не применяются в делах о банкротстве физических лиц.

Так, основываясь на п. 3.1 Обзора о субординации, Судебная коллегия указывала, что основанием для субординации требований кредиторов является нарушение обязанности контролирующими организацию-должника лицами собственной обязанности по публичному информированию третьих лиц об имущественном кризисе в подконтрольной организации посредством подачи заявления о банкротстве (п. 1 ст. 9 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)”)). Это позволяет отсрочить погашение долга, вводя третьих лиц в заблуждение относительно платежеспособности должника и создавая у них иллюзию его финансового благополучия, что исключает необходимость подачи заявлений о банкротстве. В такой ситуации контролирующее либо аффилированное лицо принимает на себя риск того, что должнику посредством использования компенсационного финансирования в конечном счете удастся преодолеть финансовые трудности и вернуться к нормальной деятельности. Из существа описанных отношений, очевидно, следует, что подобная обязанность может быть нарушена только в отношении организации ее контролирующими лицами, на которых эта обязанность и возложена.

Выводы Судебной коллегии при рассмотрении другого спора сводились к тому, что субординация требований контролирующих должника лиц осуществляется в связи с явно несправедливым уравнением прав независимых кредиторов с требованиями контролировавших должника лиц, которые, избрав отличную от предписанной Федеральным законом “О несостоятельности (банкротстве)” модель поведения, пошли на дополнительный риск и предоставили подконтрольному им лицу компенсационное финансирование. В таких условиях риск объективного банкротства должника и, как следствие, утраты компенса-

онного финансирования не может в равной степени перекладываться на независимых кредиторов. Требования последних удовлетворяются приоритетно по отношению к требованию о возврате компенсационного финансирования. В то же время законодательство о несостоятельности граждан не содержит положений об обязанности кого-либо из иных лиц при определенных обстоятельствах подать заявление о банкротстве другого физического лица, воздержавшись от предоставления ему финансирования. Обязанность по обращению в суд с заявлением о банкротстве третьего лица, находящегося в состоянии имущественного кризиса, закреплена только в отношении несостоятельных организаций: она возложена законом на контролирующих их лиц, под влиянием которых формируется воля банкрота.

Данные выводы актуальны и в отношении финансирования, осуществляемого путем отказа от принятия мер к истребованию задолженности (п. 3.2 Обзора о субординации).

Таким образом, вопреки выводам судов, изложенных в обжалованных судебных актах, законных оснований для понижения очередности удовлетворения требований общества в деле о банкротстве должника не имеется.

ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. Абзацы 5 и 9 подп. 4 п. 26 Административного регламента Федерального агентства по рыболовству по предоставлению государственной услуги по подготовке и принятию решения о предоставлении водных биологических ресурсов в пользование, утвержденного приказом Росрыболовства от 10 ноября 2020 г. № 596, в той мере, в какой они исключают возможность принятия решения о предоставлении водных биологических ресурсов в пользование общинам коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в случае, если предоставленный в пользование рыболовный участок для осуществления традиционного рыболовства (в отношении анадромных видов рыб) расположен не по месту регистрации общины в месте традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности, а также в случае отсутствия у представителя малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации или общины этих народов регистрации в месте расположения района добычи (вылова) водных биологических ресурсов, признаны не действующими со дня вступления решения суда в законную силу

*Решение Верховного Суда РФ
от 30 ноября 2021 г. № АКПИ21-807,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 1 марта 2022 г. № АПЛ22-18*

(Извлечение)

Приказом Росрыболовства от 10 ноября 2020 г. № 596 утвержден Административный регламент

Федерального агентства по рыболовству по предоставлению государственной услуги по подготовке и принятию решения о предоставлении водных биологических ресурсов в пользование (далее — Административный регламент).

Согласно подп. 4 п. 26 Административного регламента основанием для отказа в предоставлении государственной услуги для осуществления традиционного рыболовства является отсутствие у общины малочисленных народов, подавшей заявку на предоставление в пользование анадромных видов рыб, предоставленного в пользование рыболовного участка для осуществления традиционного рыболовства (в отношении анадромных видов рыб) по месту регистрации общины в месте традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности общины, в соответствии с перечнем мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации, утвержденным распоряжением Правительства РФ от 8 мая 2009 г. № 631-р (абз. 5), а также отсутствие регистрации у заявителя — представителя малочисленных народов или общины малочисленных народов в месте расположения района добычи (вылова) водных биоресурсов, указанного в заявке, и (или) в том случае, когда месторасположение района добычи (вылова) водных биоресурсов, указанного в заявке, не относится к местам традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов в соответствии с названным перечнем (абз. 9).

Родовая община коренных малочисленных народов Севера “Айи” (далее также — община), зарегистрированная в Ульчском муниципальном районе Хабаровского края и имеющая действующие договоры о выделении рыбопромысловых участков в целях обеспечения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности в том числе на территории Охотского и Тугуро-Чумиканского районов Хабаровского края, являющаяся добровольным объединением физических лиц по национальности ульчи, созданная в целях сохранения традиционного образа жизни в исконной среде обитания, защиты прав и законных интересов своих членов, обратилась в Верховный Суд РФ с административным иском заявлением о признании не действующими со дня принятия абз. 5 и 9 подп. 4 п. 26 Административного регламента. Представители общины ссылались на то, что оспариваемые положения противоречат ст. 69 Конституции Российской Федерации, п. 6 ч. 1 ст. 2, ст.ст. 16, 25, 29¹, ч. 1 ст. 31, ч. 4 ст. 33³ Федерального закона от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ “О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов”, нарушают право общины на осуществление традиционной хозяйственной деятельности — рыболовства, а также права членов названной организации на свободу перемещения, выбора места жительства и ведение традиционного образа жизни.

В обоснование заявленных требований указано, что Амурское территориальное управление Росрыболовства со ссылкой на положения абз. 5 и 9 подп. 4 п. 26 Административного регламента

отклонило заявку административного истца о предоставлении в 2021 году в пользование водных биологических ресурсов в целях обеспечения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности в связи с тем, что община не зарегистрирована на территории Охотского и Тугуро-Чумиканского районов Хабаровского края, где ей предоставлены рыбопромысловые участки.

По мнению административного истца, в результате применения указанных норм он был лишен возможности получения водных биологических ресурсов, необходимых для традиционного питания и хозяйствования, на основании действующих договоров о выделении рыбопромысловых участков.

Верховный Суд РФ 30 ноября 2021 г. административное исковое заявление удовлетворил частично, указав следующее.

Отношения, возникающие в связи с предоставлением государственных и муниципальных услуг соответственно федеральными органами исполнительной власти, органами государственных внебюджетных фондов, исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также местными администрациями и иными органами местного самоуправления, осуществляющими исполнительно-распорядительные полномочия, регулируются Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ “Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг” (ч. 1 ст. 1).

В силу ч. 1 ст. 12, ч. 1 ст. 13 названного Закона предоставление государственных и муниципальных услуг осуществляется в соответствии с административными регламентами. Разработку проекта административного регламента осуществляет орган, предоставляющий государственную услугу.

Правилами разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг, утвержденными постановлением Правительства РФ от 16 мая 2011 г. № 373, в п. 2 закреплено, что регламент разрабатывается и утверждается органом, предоставляющим государственные услуги, если иное не установлено федеральными законами.

Согласно п. 1 Положения о Федеральном агентстве по рыболовству, утвержденного постановлением Правительства РФ от 11 июня 2008 г. № 444, Росрыболовство является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции в том числе по оказанию государственных услуг, управлению государственным имуществом в сфере рыбохозяйственной деятельности, охраны, рационального использования, изучения, сохранения, воспроизводства водных биологических ресурсов и среды их обитания, а также аквакультуры (рыбоводства), производства рыбной и иной продукции из водных биологических ресурсов, обеспечения безопасности плавания судов рыбопромыслового флота и аварийно-спасательных работ в районах промысла при осуществлении рыболовства, а также в сфере производственной деятельности на судах рыбопромыслового флота и в морских портах в отношении морских

терминалов, предназначенных для комплексного обслуживания судов рыбопромыслового флота.

Росрыболовство находится в ведении Минсельхоза России (п. 2 вышеуказанного Положения).

Таким образом, Административный регламент утвержден уполномоченным федеральным органом исполнительной власти. Порядок принятия нормативного правового акта, а также требования к его государственной регистрации и опубликованию соблюдены, что не оспаривается административным истцом.

Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации” согласно преамбуле устанавливает правовые основы гарантий самобытного социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов Российской Федерации, защиты их исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов.

Абзацем 1 п. 1 ст. 1 указанного Закона предусмотрено, что коренными малочисленными народами Российской Федерации являются народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйственную деятельность и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 000 человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями.

В силу абз. 2 п. 1 ст. 1 Федерального закона “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации” Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации утверждается Правительством РФ по предложению федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной национальной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере государственной национальной политики.

Постановлением Правительства РФ от 24 марта 2000 г. № 255 утвержден Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации, согласно которому ульчи отнесены к коренным малочисленным народам Российской Федерации, проживающим на территории Хабаровского края.

Распоряжением Правительства РФ от 8 мая 2009 г. № 631-р утверждены перечень мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечень видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации.

В соответствии с названными перечнями к таким местам в Хабаровском крае отнесены, в частности, городской округ Хабаровск, Охотский муниципальный район, Тугуро-Чумиканский муниципальный район, Ульчский муниципальный район, а одним из видов традиционной хозяйственной деятельности является рыболовство (в том числе морской зверобойный промысел) и реализация водных биологических ресурсов.

Лица, относящиеся к малочисленным народам, в целях защиты исконной среды обитания,

традиционного образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов малочисленных народов имеют в том числе право пользоваться льготами по природопользованию, установленными федеральным законодательством, законодательством субъектов Российской Федерации и нормативными правовыми актами органов местного самоуправления (п. 4 ч. 2 ст. 8 Федерального закона “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации”).

Пунктом 6 ч. 1 ст. 2 Федерального закона “О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов” установлено, что одним из принципов законодательства о рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов является учет интересов населения, для которого рыболовство является основной деятельностью, в том числе коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, согласно которому им должен быть обеспечен доступ к водным биоресурсам для обеспечения жизнедеятельности населения.

В силу п. 7 ч. 1 ст. 16 названного Закона одним из видов рыболовства является рыболовство в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

Согласно чч. 1 и 2 ст. 25 Федерального закона “О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов” рыболовство в целях обеспечения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации осуществляется лицами, относящимися к указанным народам, и их общинами с предоставлением рыболовного участка или без его предоставления; рыболовство в целях обеспечения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации без предоставления рыболовного участка осуществляется без разрешения на добычу (вылов) водных биоресурсов, за исключением добычи (вылова) редких и находящихся под угрозой исчезновения видов водных биоресурсов.

В п. 4 ч. 1 ст. 33² указанного Закона предусмотрено, что для осуществления рыболовства в целях обеспечения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации принимается решение о предоставлении водных биоресурсов в пользование.

В соответствии с п. 3 Правил подготовки и принятия решения о предоставлении водных биологических ресурсов в пользование, утвержденным постановлением Правительства РФ от 15 октября 2008 г. № 765, предоставление водных биоресурсов в пользование для осуществления рыболовства в целях обеспечения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности коренных малочислен-

ных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации осуществляется на основании решений, принимаемых территориальными органами Росрыболовства в отношении водных биоресурсов внутренних морских вод Российской Федерации, территориального моря Российской Федерации, а также анадромных, катадромных и трансграничных видов рыб, и решений, принимаемых органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации в отношении водных биоресурсов внутренних вод Российской Федерации, за исключением внутренних морских вод Российской Федерации.

Анализ приведенного правового регулирования позволяет сделать вывод о том, что установленный действующим законодательством для названной категории лиц порядок рыболовства в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности характеризуется особым правовым режимом.

Право на предусмотренное поименованными нормами рыболовство может быть реализовано как индивидуально, так и коллективно, т.е. общинами коренных малочисленных народов. Эти общины в силу п. 4 ст. 1 Федерального закона “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации” представляют собой формы самоорганизации лиц, относящихся к малочисленным народам и объединяемых по кровнородственному (семья, род) и (или) территориально-соседскому принципам, создаваемые в целях защиты их исконной среды обитания, сохранения и развития традиционного образа жизни, хозяйственной деятельности, промыслов и культуры.

Такое право возникает у названной категории лиц в силу самой принадлежности их к коренным малочисленным народам Российской Федерации, для которых традиционный образ жизни и осуществление традиционной хозяйственной деятельности, в том числе рыболовства, выступают основной сущностью и самобытностью.

Следовательно, осуществление традиционного рыболовства коренными малочисленными народами, объединениями этих народов и лицами, относящимися к этим народам, связано с их национальной принадлежностью, а также с местом проживания в определенных районах Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации и приравненных к ним областях.

При этом федеральным законодателем возможность реализации коренными малочисленными народами, объединениями этих народов и лицами, относящимися к этим народам, права на осуществление традиционной хозяйственной деятельности (включая рыболовство) не поставлена в зависимость от наличия либо отсутствия у таких лиц регистрации в определенных районах Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, в том числе определенных муниципальных образованиях согласно перечню мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации.

Иное означало бы, что при решении вопроса о предоставлении водных биологических ресурсов в пользование коренным малочисленным народам, объединениям этих народов и лицам, относящимся к этим народам, имеет место формальный подход, в результате которого осуществление указанными лицами традиционной хозяйственной деятельности ограничивается исключительно территорией муниципального образования, в котором такие лица зарегистрированы, что, в свою очередь, означает игнорирование установленных законом гарантий для указанной категории лиц и создание необоснованных препятствий в ведении традиционной хозяйственной деятельности при наличии объективно подтвержденной связи с данными территориями, традиционным образом жизни и традиционной хозяйственной деятельностью.

При изложенных обстоятельствах абз. 5 и 9 подп. 4 п. 26 Административного регламента признаны не действующими со дня вступления решения суда в законную силу в той мере, в какой они исключают возможность принятия решения о предоставлении водных биологических ресурсов в пользование общинам коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в случае, если предоставленный в пользование рыболовный участок для осуществления традиционного рыболовства (в отношении анадромных видов рыб) расположен не по месту регистрации общины в месте традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности, а также в случае отсутствия у представителя малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации или общины этих народов регистрации в месте расположения района добычи (вылова) водных биологических ресурсов.

2. Оспариваемые частично п. 3 приказа СК России от 9 декабря 2020 г. № 132, пп. 6, 7 утвержденного данным приказом Порядка признания сотрудников Следственного комитета Российской Федерации и лиц, указанных в пунктах 2 и 3 части 21 статьи 35¹ Федерального закона от 28.12.2010 № 403-ФЗ “О Следственном комитете Российской Федерации”, нуждающихся в жилых помещениях в целях предоставления единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилых помещений или предоставления жилых помещений в собственность, принятия их на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях в целях предоставления единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилых помещений или предоставления жилых помещений в собственность и ведения такого учета признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 3 сентября 2021 г. № АКПИ21-433, вступившее в законную силу

3. Оспариваемый частично п. 6 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденных постановлением Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 17 ноября 2021 г. № АКПИ21-732, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 15 февраля 2022 г. № АПЛ21-571

4. Оспариваемый частично п. 2 границ округа горно-санитарной охраны курорта федерального значения Зеленоградск, установленных постановлением Правительства РФ от 22 февраля 2018 г. № 188, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 15 ноября 2021 г. № АКПИ21-686, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 10 февраля 2022 г. № АПЛ21-570

5. Оспариваемое частично Разъяснение по применению пункта 8(5) Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 27.12.2004 № 861, в том числе, в части распространения его действия на гаражные кооперативы, а также по применению части 1 статьи 26 Федерального закона от 26.03.2003 № 35-ФЗ “Об электроэнергетике” в части однократности технологического присоединения при ликвидации садоводческого, огороднического или гаражного товариществ, направленные письмом ФАС России от 3 июля 2020 г. № ИА/56450/20 “О направлении методической помощи территориальным органам ФАС России”, признано не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 18 ноября 2021 г. № АКПИ21-736, вступившее в законную силу

6. Приказ ГТК РФ от 12 апреля 2002 г. № 352 “О совершенствовании нормативно-правовой базы по вопросам прохождения службы” признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 22 ноября 2021 г. № АКПИ21-730, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 15 февраля 2022 г. № АПЛ21-577

7. Абзац 2 п. 28.5 положения Банка России от 19 декабря 2019 г. № 706-П “О стандартах эмиссии ценных бумаг” признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 29 ноября 2021 г. № АКПИ21-787, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 24 февраля 2022 г. № АПЛ22-7

8. Оспариваемые частично пп. 3, 17 Положения о зонах затопления, подтопления, утвержденного постановлением Правительства РФ от 18 апреля 2014 г. № 360, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 10 ноября 2021 г. № АКПИ21-733, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 10 февраля 2022 г. № АПЛ21-564

9. Оспариваемый частично подп. “а” п. 53 Положения о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 1325, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 10 ноября 2021 г. № АКПИ21-758, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 1 февраля 2022 г. № АПЛ21-561

10. Оспариваемые частично пп. 1.2, 3.4 Типового договора аренды лесного участка для заготовки древесины, утвержденного приказом Минприроды России от 30 июля 2020 г. № 542, и приложение № 3 к нему признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 18 ноября 2021 г. № АКПИ21-747, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 10 марта 2022 г. № АПЛ22-28

11. Абзацы 1 и 2 п. 11, подп. “б” п. 12, абз. 5 п. 24 Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям на возмещение недополученных ими доходов по кредитам, выданным в 2020 году юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям на возобновление деятельности, утвержденных постановлением Правительства РФ от 16 мая 2020 г. № 696, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 6 октября 2021 г. № АКПИ21-580, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 18 января 2022 г. № АПЛ21-520

12. Оспариваемый частично п. 13 Положения об особенностях порядка исчисления средней заработной платы, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 декабря 2007 г. № 922, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 13 октября 2021 г. № АКПИ21-619, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 18 января 2022 г. № АПЛ21-519

13. Пункт 22 Правил заполнения форм бланков свидетельств о государственной регистрации актов гражданского состояния, утвержденных приказом Минюста России от 13 августа 2018 г. № 167, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 7 сентября 2021 г. № АКПИ21-525, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 27 января 2022 г. № АПЛ21-540

14. Абзац 1 п. 4(1) постановления Правительства РФ от 27 августа 2012 г. № 857 “Об особенностях применения Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов” признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 6 октября 2021 г. № АКПИ21-568, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 13 января 2022 г. № АПЛ21-499

15. Оспариваемые частично пп. 128, 179, 183, 186 Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии, утвержденных постановлением Правительства РФ от 4 мая 2012 г. № 442, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 20 октября 2021 г. № АКПИ21-594, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 15 февраля 2022 г. № АПЛ21-573

16. Абзацы 26—28 раздела 6 “Информационные знаки” приложения 1 к Правилам дорожного движения Российской Федерации, утвержденным постановлением Совета Министров — Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 1 декабря 2021 г. № АКПИ21-805, вступившее в законную силу

17. Приказ Минтруда России от 19 августа 2019 г. № 564н “О признании утратившим силу приказа Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 27 марта 2012 г. № 271н “Об утверждении Административного регламента предоставления Фондом социального страхования Российской Федерации гражданам, имеющим право на получение государственной социальной помощи в виде набора социальных услуг, государственной услуги по предоставлению при наличии медицинских показаний путевок на санаторно-курортное лечение, осуществляемое в целях профилактики основных заболеваний, и бесплатного проезда на междугородном транспорте к месту лечения и обратно” и оспариваемые частично Правила разработки и утверждения административных регламентов осуществления государственного контроля (надзора) и Правила разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг, утвержденные постановлением Правительства РФ от 16 мая 2011 г. № 373, п. 2 постановления Правительства РФ от 13 июня 2018 г. № 676, п. 4 постановления Правительства РФ от 16 мая 2011 г. № 373 признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 27 октября 2021 г. № АКПИ21-621, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 27 января 2022 г. № АПЛ21-542

18. Пункты 1 и 1(1) раздела III плана действий по предотвращению заноса на территорию Российской Федерации африканской чумы свиней и ее распространения на территории Российской Федерации, утвержденного распоряжением Правительства РФ от 30 сентября 2016 г. № 2048-р, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 12 октября 2021 г. № АКПИ21-731, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 27 января 2022 г. № АПЛ21-529

19. Оспариваемый частично п. 6 приложения № 8 к государственной программе Российской Федерации “Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации”, утвержденной постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2017 г. № 1710, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 13 октября 2021 г. № АКПИ21-625, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 13 января 2022 г. № АПЛ21-518

1. Если лицо в целях осуществления умысла на незаконный сбыт наркотических средств совершает действия, направленные на их последующую реализацию, однако по независящим от него обстоятельствам не передает указанные средства приобретателю, то такое лицо несет уголовную ответственность за покушение на незаконный сбыт этих средств

*Определение Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда РФ
от 13 мая 2021 г. № 25-УД21-6-К4*

(Извлечение)

По приговору Приволжского районного суда Астраханской области от 23 ноября 2018 г., оставленному судом апелляционной инстанции без изменения, К. осуждена по пп. “а”, “б” ч. 3 ст. 228¹ УК РФ к восьми годам лишения свободы.

По этому же приговору осуждены Е. и Б.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 29 июня 2020 г. приговор и апелляционное определение в отношении К. изменены в части зачета времени нахождения осужденной под домашним арестом в срок наказания.

К. признана виновной в незаконном сбыте наркотических средств в значительном размере, совершенном группой лиц по предварительному сговору, с использованием информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”.

В кассационной жалобе осужденная выражала несогласие с указанными судебными решениями как вынесенными с существенными нарушениями норм уголовного закона.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 13 мая 2021 г. изменила принятые судебные решения, мотивировав свое решение следующим.

Из установленных судом обстоятельств совершения К. преступления усматривалось, что Е. вступила с неустановленным следствием лицом под псевдонимом “BF” (далее — А.) в сговор о незаконном сбыте наркотических средств. Во исполнение задуманного А. договорился с Е. об условиях сбыта наркотических средств, их количестве, местах хранения оптовых партий; полученную от Е. информацию о тайниках А. передавал непосредственно потребителям, а затем распределял прибыль от незаконной реализации наркотических средств.

В октябре 2017 г. Е. вступила в сговор с К. о незаконном сбыте наркотических средств. Е. извлекла из тайника оптовую партию наркотических средств, перевезла по адресу места своего жительства, где К. и Е. расфасовали эти наркотические средства в меньшие по весу партии с целью последующего незаконного сбыта, поместили их в тайники для сбыта третьим лицам.

В дальнейшем, получив от А. информацию о месте нахождения средства, содержащего производное наркотического средства N-метилэфед-

рон общей массой не менее 10 г, т.е. в крупном размере, Е. извлекла из тайника наркотическое средство, перевезла и хранила по месту своего жительства.

30 октября 2017 г. Е. расфасовала наркотическое средство на мелкие партии в несколько упаковок общей массой не менее 0,76 г, т.е. в значительном размере, совместно с К. они поместили 3 упаковки с наркотическими средствами массой 0,31 г, 0,26 г и 0,19 г в различные тайники, адреса которых К. посредством информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” и программы “WhatsApp” сообщила Е., а последняя передала эти сведения А.

14 июня 2018 г. наркотическое средство общей массой 0,76 г было изъято сотрудниками полиции в ходе проведения проверки показаний на месте с участием обвиняемой Е.

Действия Е. и К. квалифицированы судом по пп. “а”, “б” ч. 3 ст. 228¹ УК РФ.

Между тем, квалифицируя действия осужденной К. по факту сбыта вышеуказанных 3 свертков с наркотическими средствами по пп. “а”, “б” ч. 3 ст. 228¹ УК РФ, т.е. как оконченное преступление, суд не дал должной оценки тому обстоятельству, что сведения о месте нахождения тайников с наркотическими средствами, согласно достигнутой договоренности и распределению ролей между Е., К. и А., не были доведены до конца А., который непосредственно должен был сообщить эти сведения потенциальным приобретателям данных наркотических средств, при этом сами наркотические средства из указанных тайников были изъяты сотрудниками правоохранительных органов.

В обоснование квалификации действий К. суд сослался на разъяснения, содержащиеся в п. 13¹ постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 “О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами” (в ред. постановления Пленума от 30 июня 2015 г. № 30), о том, что сбыт следует считать окончанным преступлением с момента выполнения лицом всех необходимых действий по передаче приобретателю указанных средств, веществ, растений независимо от их фактического получения приобретателем, однако не принял во внимание то обстоятельство, что А. приобретателем наркотических средств не являлся.

Не было учтено судом и следующее.

Согласно разъяснениям, изложенным в п. 13² названного выше постановления Пленума, если лицо в целях осуществления умысла на незаконный сбыт наркотических средств незаконно приобретает, хранит, перевозит, изготавливает, перерабатывает эти средства, тем самым совершает действия, направленные на их последующую реализацию и составляющие часть объективной стороны сбыта, однако по независящим от него обстоятельствам не передает указанные средства приобретателю, то такое лицо несет уголовную ответственность за покушение на незаконный сбыт этих средств.

Неправильное применение уголовного закона при квалификации действий осужденной в соответствии со ст. 401¹⁵ УПК РФ явилось основанием для изменения судебных решений.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ изменила приговор, апелляционное определение и кассационное определение, действия К. переqualificировала с пп. “а”, “б” ч. 3 ст. 228¹ УК РФ на ч. 3 ст. 30, пп. “а”, “б” ч. 3 ст. 228¹ УК РФ и назначила осужденной наказание в виде лишения свободы сроком на шесть лет.

2. Действия обвиняемого, который предоставил органам следствия ранее неизвестную им информацию относительно мест нахождения тайников с наркотическими средствами и способа их незаконного приобретения и оказывал содействие в обнаружении и изъятии указанных средств, следует признать активным способствованием раскрытию и расследованию преступления

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 1 июня 2021 г. № 25-УД21-9-К4

(Извлечение)

По приговору Ленинского районного суда г. Астрахани от 28 ноября 2017 г., оставленному судом апелляционной инстанции без изменения, Г. осужден по п. “г” ч. 4 ст. 228¹ УК РФ к десяти годам лишения свободы.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 25 мая 2020 г. приговор и апелляционное определение изменены, действия Г. переqualificированы с п. “г” ч. 4 ст. 228¹ на ч. 3 ст. 30, п. “г” ч. 4 ст. 228¹ УК РФ, по которой назначено девять лет лишения свободы.

С учетом внесенных в приговор изменений Г. признан виновным в покушении на незаконный сбыт наркотических средств группой лиц по предварительному сговору, в крупном размере, с использованием информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”.

В кассационной жалобе осужденный просил об изменении приговора, поскольку, по его мнению, суд не учел смягчающее наказание обстоятельство — активное способствование раскрытию и расследованию преступления.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 1 июня 2021 г. изменила принятые судебные решения в отношении Г., смягчила назначенное наказание по ч. 3 ст. 30, п. “г” ч. 4 ст. 228¹ УК РФ до семи лет лишения свободы, указав в обоснование следующее.

Исходя из разъяснений, содержащихся в п. 30 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 “О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания”, активное способствование раскрытию и расследованию преступления следует учитывать в качестве смягчающего наказание обстоятельства, предусмотренного п. “и” ч. 1 ст. 61 УК РФ, если лицо о совершенном с его участием преступ-

лении либо о своей роли в преступлении представило органам дознания или следствия информацию, имеющую значение для раскрытия и расследования преступления (например, указало место сокрытия похищенного, место нахождения орудий преступления, иных предметов и документов, которые могут служить средствами обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела).

Данные требования судом не были учтены.

Г., будучи задержанным сотрудниками патрульно-постовой службы в связи с подозрительным поведением (часто оборачивался, оглядывался, что-то положил на землю у дома по ул. Августовской Ленинского района г. Астрахани), добровольно пояснил сотрудникам правоохранительных органов, что он является курьером, раскладывает в тайники наркотические средства. Помимо тайника в указанном выше месте, указал еще 7 тайников с наркотическим средством по различным адресам, которые в дальнейшем были обнаружены и изъяты.

В судебном заседании свидетель — сотрудник следственно-оперативной группы, прибывшей на место происшествия, подтвердил, что согласно представленной Г. информации были обнаружены тайники с наркотическими средствами, наркотические средства изъяты. Г. также указал место приобретения наркотических средств.

Таким образом, указав во время задержания сведения, неизвестные органам предварительного расследования, — места нахождения тайников с наркотическими средствами, место и способ незаконного приобретения Г. наркотических средств, оказав содействие в их обнаружении и изъятии, Г. активно способствовал раскрытию и расследованию совершенного им преступления.

Данное смягчающее наказание обстоятельство, предусмотренное п. “и” ч. 1 ст. 61 УК РФ, не было учтено судом при назначении наказания осужденному, что повлекло назначение несправедливого наказания.

3. Непринятие судом кассационной инстанции мер к извещению лиц, интересы которых затрагиваются кассационной жалобой, о передаче жалобы с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции и о дате, времени и месте рассмотрения уголовного дела обоснованно признано существенным нарушением уголовно-процессуального закона, повлиявшим на исход дела

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25 февраля 2021 г. № 18-УД20-91-К4

(Извлечение)

По приговору Советского районного суда г. Краснодара от 11 сентября 2017 г. Р., Ш., Б., А. и Я. осуждены по ч. 4 ст. 159 УК РФ и другим статьям Уголовного кодекса РФ.

Решения об аресте транспортных средств, земельного участка, квартир и денежных средств, принадлежащих иным лицам в целях обеспечения исполнения приговора в части гражданских исков, оставлены без изменения. Транспортные средства, принадлежащие Т., К., а также ООО «И», от ареста освобождены.

Постановлено взыскать с осужденных Р., Ш. и А. в солидарном порядке 1 455 000 руб. в пользу в том числе потерпевшей Ж. в счет возмещения материального ущерба.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Краснодарского краевого суда от 26 января 2018 г. приговор в отношении осужденных оставлен без изменения; по апелляционным жалобам потерпевших Л. и Ж. принадлежащие им транспортные средства освобождены от ареста.

Президиумом Краснодарского краевого суда 17 июля 2019 г. по кассационным жалобам Т. и конкурсного управляющего ООО «И» У. отменено апелляционное определение от 26 января 2018 г. в части сохранения ареста земельного участка и транспортных средств, дело в этой части направлено на новое апелляционное рассмотрение.

При новом апелляционном рассмотрении 20 сентября 2019 г. приговор в части сохранения ареста, наложенного на земельный участок, принадлежащий Т., а также в части снятия ареста с транспортных средств оставлен без изменения, апелляционные жалобы потерпевших Л., Ж. и Т. оставлены без удовлетворения.

Потерпевшая Ж. в кассационной жалобе просила об отмене постановления суда кассационной инстанции, поскольку в нарушение требований ст. 401¹² УПК РФ не все заинтересованные в исходе дела лица были извещены о дате, времени и месте заседания суда кассационной инстанции.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 25 февраля 2021 г. удовлетворила кассационную жалобу, указав в обоснование следующее.

В соответствии с требованиями чч. 1 и 2 ст. 401¹² УПК РФ суд кассационной инстанции направляет лицам, интересы которых затрагиваются жалобой или представлением, копии постановления о передаче кассационных жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции и копии кассационных жалобы, представления.

Лица, указанные в ч. 1 этой статьи, должны быть извещены о дате, времени и месте рассмотрения уголовного дела по кассационной жалобе не позднее 14 суток до дня судебного заседания.

Из материалов уголовного дела усматривалось, что Т. и У. обратились в суд кассационной инстанции с кассационными жалобами, в которых просили отменить приговор и апелляционное определение в части сохранения ареста на земельный участок, принадлежащий Т. на праве собственности, и отмены решения об освобожде-

нии от ареста транспортных средств, принадлежащих ООО «И».

Постановлением судьи кассационная жалоба Т. передана на рассмотрение в президиум Краснодарского краевого суда, 30 июня 2019 г. копия данного постановления направлена Т. и У. с извещением о рассмотрении уголовного дела президиумом Краснодарского краевого суда 17 июля 2019 г.

Вместе с тем потерпевшие, в том числе Ж., не были извещены судом кассационной инстанции о дате, времени и месте судебного заседания, копии кассационных жалоб Т. и У. им не были направлены несмотря на то, что приведенные в них доводы затрагивали их интересы. В этих жалобах содержались просьбы об освобождении имущества от ареста, который был сохранен судом в том числе для обеспечения прав потерпевших на возмещение причиненного им преступлением ущерба.

При таких данных Судебная коллегия согласилась с доводами жалобы потерпевшей Ж. о том, что судом кассационной инстанции были нарушены требования ст. 401¹² УПК РФ, регламентирующей порядок извещения лиц, чьи интересы затрагиваются жалобой или представлением, о передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции.

Судебная коллегия отменила постановление президиума краевого суда от 17 июля 2019 г. и апелляционное определение от 20 сентября 2019 г. в отношении Р., Ш., Б., А. и Я. и передала уголовное дело на новое кассационное рассмотрение в Четвертый кассационный суд общей юрисдикции.

4. Если суд первой инстанции в нарушение требований ч. 6 ст. 53 УК РФ назначил иностранному гражданину, осужденному по ч. 1 ст. 159 УК РФ, наказание в виде ограничения свободы, то вышестоящий суд, исключая из приговора указание на назначение ограничения свободы, должен решить вопрос о назначении иного более мягкого вида наказания

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12 мая 2021 г. № 18-УДП21-10-К4

(Извлечение)

По приговору Октябрьского районного суда г. Новороссийска Краснодарского края от 6 декабря 2018 г., оставленному судом апелляционной инстанции без изменения, М. осужден по ч. 1 ст. 159 УК РФ к ограничению свободы сроком на пять месяцев, а также по другим статьям Уголовного кодекса РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции 3 июня 2020 г., рассмотрев уголовное дело по кассационной жалобе М., который просил о смягчении назначенного ему наказания, изменила судебные решения: исключила указание о назначении М. по ч. 1 ст. 159 УК РФ наказания в виде ог-

раничения свободы и смягчила назначенное осужденному окончательное наказание.

Приговор постановлен в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ.

Заместитель Генерального прокурора РФ в представлении просил об отмене кассационного определения и направлении уголовного дела на новое кассационное рассмотрение, ссылаясь на то, что суд кассационной инстанции, исключив из приговора указание о назначении М. по ч. 1 ст. 159 УК РФ наказания в виде ограничения свободы, не решил вопрос о назначении более мягкого вида наказания.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 12 мая 2021 г. удовлетворила кассационное представление по следующим основаниям.

Судом кассационной инстанции при рассмотрении уголовного дела были установлены нарушения уголовного закона, допущенные судом первой инстанции при назначении М., являющемуся иностранным гражданином, наказания по ч. 1 ст. 159 УК РФ в виде ограничения свободы, поскольку в соответствии с ч. 6 ст. 53 УК РФ ограничение свободы не назначается иностранным гражданам.

Обоснованно приняв решение об исключении из приговора и апелляционного постановления указания о назначении М. наказания по ч. 1 ст. 159 УК РФ в виде ограничения свободы, суд кассационной инстанции вместе с тем не разрешил вопрос о возможности назначения осужденному иного вида наказания, не связанного с лишением свободы, предусмотренного санкцией ч. 1 ст. 159 УК РФ (штраф, обязательные работы, исправительные работы), что не ухудшило бы положение М., просившего в кассационной жалобе о смягчении назначенного ему наказания, не вы-

шло бы за пределы, предоставленные суду кассационной инстанции положениями ч. 3 ст. 401¹⁶ УПК РФ, согласно которым суд данной инстанции вправе смягчить назначенное осужденному наказание, и соответствовало бы требованиям ч. 1 ст. 69 УК РФ о том, что при совокупности преступлений наказание виновному лицу назначается отдельно за каждое совершенное преступление.

Отсутствие в кассационном определении решения вопроса о наказании М. за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159 УК РФ (по эпизоду в отношении З.), противоречит положениям ст. 43 УК РФ о понятиях и целях наказания, применяемого в качестве меры государственного принуждения к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и свидетельствует о существенных нарушениях уголовного и уголовно-процессуального законов, повлиявших на исход дела.

В соответствии с положениями ст. 401⁶ УПК РФ поворот к худшему при пересмотре приговора, определения, постановления суда в кассационном порядке допускается в срок, не превышающий одного года со дня вступления их в законную силу.

При этом годичный срок по данному уголовному делу исчисляется со дня вступления в законную силу определения суда кассационной инстанции, состоявшегося 3 июня 2020 г., т.е. менее одного года тому назад.

При данных обстоятельствах Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции в отношении М. и передала уголовное дело на новое кассационное рассмотрение¹.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ № 1 (2022)

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Разрешение споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав

1. Отсутствие регистрации наследника по месту жительства или по месту пребывания в принадлежащем наследодателю жилом помещении на день открытия наследства при наличии иных доказательств фактического принятия наследства не может служить основанием для принятия судом решения об отказе в установлении факта принятия наследства.

Б. обратилась в суд с иском к департаменту городского имущества, Ч. и просила суд включить в наследственную массу после смерти В., умершей 2 декабря 1997 г., принадлежавшую последней на основании договора передачи в собственность от 10 марта 1995 г. квартиру, установить факт принятия наследства и признать за ней (Б.) право собственности на указанную квартиру в порядке наследования по закону.

В обоснование исковых требований Б. указала, что она и Ч. являются детьми наследодателя и единственными наследниками В. первой очереди, однако свои наследственные права никто из них не оформлял (наследственное дело не открывалось).

Вместе с тем истец после смерти наследодателя совершила все действия, свидетельствующие о фактическом принятии наследства: она продолжает пользоваться спорной квартирой, в которой на день смерти наследодателя была зарегистрирована по месту жительства, несет бремя ее содержания, приняла меры по сохранению наследственного имущества.

¹По кассационному определению Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 23 июня 2021 г. приговор и апелляционное постановление изменены: исключено указание о назначении М. по ч. 1 ст. 159 УК РФ наказания в виде ограничения свободы сроком на пять месяцев, за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159 УК РФ, М. назначено наказание в виде штрафа в размере 20 000 руб., окончательное наказание смягчено.

Департамент городского имущества обратился в суд со встречными исковыми требованиями к Б. о признании принадлежавшей наследодателю В. на день ее смерти квартиры выморочным имуществом, переходящим в порядке наследования по закону в собственность субъекта Российской Федерации, ссылаясь на отсутствие доказательств принятия такого наследства наследниками В.

Суд первой инстанции, оценив представленные по делу доказательства, в том числе объяснения сторон, показания свидетеля, отказал в удовлетворении исковых требований Б., поскольку истцом в нарушение требований ст. 56 ГПК РФ не представлено доказательств совершения действий, свидетельствующих о фактическом принятии ею наследственного имущества.

Учитывая, что наследники Б. и Ч. не приняли наследство в установленный законом срок, суд признал спорное имущество выморочным, удовлетворив встречные исковые требования департамента городского имущества.

Суд также указал, что задолженность по оплате жилищно-коммунальных услуг в отношении спорной квартиры опровергает утверждения истца о должном содержании занимаемой квартиры, представленные суду квитанции отражают лишь нерегулярную оплату жилищно-коммунальных услуг со стороны Б.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводом суда первой инстанции и его правовым обоснованием.

Кассационный суд общей юрисдикции судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций оставил без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала судебные постановления вынесенными с нарушением норм материального и процессуального права в связи со следующим.

В соответствии с положениями ст. 546 ГК РСФСР (действовавшей на момент открытия наследства) для приобретения наследства наследник должен его принять. Не допускается принятие наследства под условием или с оговорками. Признается, что наследник принял наследство, когда он фактически вступил во владение наследственным имуществом или когда он подал нотариальному органу по месту открытия наследства заявление о принятии наследства. Указанные в этой статье действия должны быть совершены в течение 6 месяцев со дня открытия наследства.

По смыслу приведенной правовой нормы под совершением наследником действий, свидетельствующих о фактическом принятии наследства, следует понимать совершение действий по управлению, распоряжению и пользованию наследственным имуществом, поддержанию его в надлежащем состоянии, в которых проявляется отношение наследника к наследству как к собственному имуществу.

В качестве таких действий, в частности, могут выступать вселение наследника в принадлежавшее наследодателю жилое помещение или проживание в нем на день открытия наследства (в том числе без регистрации наследника по месту жительства или по месту пребывания).

В целях подтверждения фактического принятия наследства наследником могут быть представлены в том числе справка о прожива-

нии совместно с наследодателем, квитанции об уплате налога, о внесении платы за жилое помещение и коммунальные услуги, сберегательная книжка на имя наследодателя, паспорт транспортного средства, принадлежавшего наследодателю, договор подряда на проведение ремонтных работ и другие документы.

Аналогичные правовые позиции изложены в п. 36 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 “О судебной практике по делам о наследовании”.

Отказывая в удовлетворении исковых требований Б., суд исходил из того, что она была зарегистрирована в спорной квартире временно до 19 февраля 1999 г., а не постоянно.

При этом в нарушение приведенной выше правовой нормы суд не учел, что проживание наследника в принадлежавшем наследодателю жилом помещении на день открытия наследства может свидетельствовать о фактическом принятии наследства независимо от наличия или отсутствия регистрации наследника по месту жительства или по месту пребывания в указанном помещении; в нарушение п. 2 ч. 4 ст. 198 ГПК РФ суды не указали мотивов, по которым они отвергли представленную истцом справку о проживании совместно с наследодателем.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ также признала заслуживающим внимания довод Б. в кассационной жалобе о том, что положение ст. 546 ГК РСФСР и иных норм материального права не предусматривают отсутствие задолженности по оплате жилищно-коммунальных услуг в качестве обязательного условия фактического принятия наследства, в связи с чем ссылка судов на данное обстоятельство в обоснование отказа в удовлетворении исковых требований Б. не соответствует закону.

Между тем эти обстоятельства какой-либо оценки суда не получили.

Ввиду изложенного Судебная коллегия отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, дело направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 5-КГ21-90-К2

Разрешение споров о разделе общего имущества супругов

2. Течение срока исковой давности по требованиям о разделе общего имущества супругов, брак которых расторгнут, начинается с момента, когда бывший супруг узнал или должен был узнать о нарушении своего права на общее имущество, но не ранее времени расторжения брака.

К. 14 июня 2019 г. обратилась в суд с иском к З. о разделе совместно нажитого имущества, с учетом уточненных исковых требований просила произвести раздел совместно нажитого в период брака имущества, определив доли истца и ответчика в составе совместно нажитого имущества в размере 1/2 каждому; взыскать с ответчика в пользу истца денежную компенсацию доли в составе общего имущества супругов — вкладов в банке в размере 224 400 руб., взыскать с ответчика в пользу истца 1/2 долю долга по договору займа от 6 июня 2013 г. в сумме 850 000 руб.

В обоснование заявленных требований указано, что с 1 апреля 1998 г. К. состояла с ответчиком в браке, который расторгнут на основании решения суда от 24 ноября 2015 г. 1 октября

2014 г. в период брака ответчик открыл в банке вклад и на него внес общие денежные средства в сумме 700 000 руб. На дату прекращения брачных отношений (5 декабря 2014 г.) остаток денежных средств на вкладе составил 448 800 руб. Также в период брака (6 июня 2013 г.) между истцом и ее матерью Н. заключен договор денежного займа на сумму 1 700 000 руб., эти денежные средства были необходимы для создания пристройки к дому, в котором проживали супруги К. и З. Одним из условий исполнения договора являлся переезд матери истца — Н. по их месту жительства. На момент подачи иска указанный дом находится в собственности З. Срок погашения займа наступил 6 июня 2018 г., однако на момент обращения в суд сумма займа не возвращена. Истец полагала, что указанное выше долговое обязательство является совместным, в связи с чем с ответчика в ее пользу должна быть взыскана 1/2 доли от суммы полученного займа.

Разрешая спор в части взыскания 1/2 доли от суммы полученного займа, суд пришел к правильному выводу об отказе в иске в указанной части, поскольку истцом не представлено доказательств получения денежных средств по договору займа от 6 июня 2013 г. и их использования на нужды и в интересах семьи, данное обязательство является ее личным, спорный заем не подлежит включению в состав общих долгов супругов, кроме того, обязательство по договору займа истцом не исполнено.

Отказывая в удовлетворении требования о разделе денежных средств на счете З. в банке, суд указал на то, что истцом пропущен срок исковой давности, о применении которого заявлено ответчиком по делу, о наличии денежных средств на счете К. стало известно 10 августа 2015 г., однако в суд с такими требованиями истец обратилась лишь 14 июня 2019 г., т.е. по истечении трехлетнего срока исковой давности, установленного п. 7 ст. 38 СК РФ.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Кассационный суд общей юрисдикции судебные постановления судов первой и апелляционной инстанции оставил без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала обжалуемые судебные постановления в части отказа в удовлетворении исковых требований о взыскании денежной компенсации доли в составе общего имущества супругов — вкладов в банке вынесенными с существенным нарушением норм права, исходя из следующего.

Пунктом 1 ст. 9 СК РФ установлено, что на требования, вытекающие из семейных отношений, исковая давность не распространяется, за исключением случаев, если срок для защиты нарушенного права установлен данным Кодексом.

Согласно п. 1 ст. 33 названного Кодекса законным режимом имущества супругов является режим их совместной собственности.

В силу п. 1 ст. 38 СК РФ раздел общего имущества супругов может быть произведен как в период брака, так и после его расторжения по требованию любого из супругов.

В соответствии с п. 3 ст. 38 СК РФ в случае спора раздел общего имущества супругов, а также определение долей супругов в этом имуществе производится в судебном порядке.

Пунктом 7 ст. 38 СК РФ предусмотрено, что к требованиям супругов о разделе общего имущества супругов, брак которых расторгнут, применяется трехлетний срок исковой давности.

Как разъяснено в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 15 “О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака”, течение трехлетнего срока исковой давности для требований о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, брак которых расторгнут (п. 7 ст. 38 СК РФ), следует исчислять не со времени прекращения брака (дня государственной регистрации расторжения брака в книге регистрации актов гражданского состояния при расторжении брака в органах записи актов гражданского состояния, а при расторжении брака в суде — дня вступления в законную силу решения), а со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права (п. 1 ст. 200 ГК РФ).

Таким образом, срок исковой давности может быть применен лишь к требованиям о разделе общего имущества супругов, брак которых расторгнут, при этом такой срок начинает исчисляться с момента, когда бывшему супругу стало известно о нарушении своего права на общее имущество, но не ранее времени расторжения брака. На раздел общего имущества супругов, который может быть произведен в период брака, исковая давность в силу ст. 9 СК РФ не распространяется.

Из материалов дела видно, что брак между сторонами расторгнут решением суда от 24 ноября 2015 г., вступившим в законную силу 16 июня 2016 г., в суд с иском о разделе совместно нажитого имущества К. обратилась 14 июня 2019 г.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления в части отказа в удовлетворении исковых требований о взыскании денежной компенсации доли в составе общего имущества супругов — вкладов в банке в размере 244 400 руб., оставив их без изменения в остальной части.

В отмененной части дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 78-КГ21-45-К3

3. Заработная плата, полученная одним из супругов во время брака, но перечисленная ему работодателем в период после прекращения брака, относится к общему имуществу супругов.

Ш. обратился в суд с иском к В. о разделе совместно нажитого имущества, указав, что с 27 августа 2010 г. состоял с ответчиком в браке, который расторгнут на основании решения суда от 1 августа 2018 г. Фактические брачные отношения прекращены 8 марта 2018 г. В период брака с 1 декабря 2014 г. по 30 марта 2018 г. В. осуществляла трудовую деятельность в обществе. Судебным постановлением от 15 мая 2019 г. с общества в пользу В. взыскана задолженность по заработной плате за период с июля 2017 г. по март 2018 г. в размере 2 976 100 руб.

10 июня 2019 г. общество перечислило указанную денежную сумму для В. на публичный депозитный счет нотариуса. По мнению истца, он имеет право на получение 1/2 доли указан-

ных денежных средств, поскольку они являются доходами от трудовой деятельности ответчика в период нахождения в браке с истцом.

Истец просил суд признать эти доходы ответчика от трудовой деятельности общим имуществом супругов и взыскать в его пользу 1/2 часть указанных доходов в размере 1 488 050 руб.

Разрешая спор и отказывая Ш. в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции указал на то, что спорные денежные средства получены В. после фактического прекращения брачных отношений между супругами, поэтому совместно нажитым с истцом имуществом не являются.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Кассационный суд общей юрисдикции судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций оставил без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала состоявшиеся по делу судебные постановления вынесенными с нарушением норм материального права, указав следующее.

В силу пп. 1, 2 ст. 34 СК РФ имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью.

К имуществу, нажитому супругами во время брака (общему имуществу супругов), относятся доходы каждого из супругов от трудовой деятельности, предпринимательской деятельности и результатов интеллектуальной деятельности, полученные ими пенсии, пособия, а также иные денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения (суммы материальной помощи, суммы, выплаченные в возмещение ущерба в связи с утратой трудоспособности вследствие увечья либо иного повреждения здоровья, и другие). Общим имуществом супругов являются также приобретенные за счет общих доходов супругов движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или в иные коммерческие организации, и любое другое нажитое супругами в период брака имущество независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 15 “О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака”, общей совместной собственностью супругов, подлежащей разделу (пп. 1 и 2 ст. 34 СК РФ), является любое нажитое ими в период брака движимое и недвижимое имущество, которое в силу ст.ст. 128, 129, пп. 1 и 2 ст. 213 ГК РФ может быть объектом права собственности граждан, независимо от того, на имя кого из супругов оно было приобретено или внесены денежные средства, если брачным договором между ними не установлен иной режим этого имущества.

Судом установлено и ответчиком не оспаривалось, что спорные денежные средства являлись доходом от трудовой деятельности, осуществляемой В. в период брака с истцом.

Приходя к выводу об отказе в иске Ш., суд первой инстанции со ссылкой на п. 16 названного постановления Пленума Верховного Суда

РФ, в котором разъяснено, что, если после фактического прекращения семейных отношений и ведения общего хозяйства супруги совместно имущество не приобрели, суд в соответствии с п. 4 ст. 38 СК РФ может произвести раздел лишь того имущества, которое являлось их общей совместной собственностью ко времени прекращения ведения общего хозяйства, констатировал, что спорные денежные средства получены В. после прекращения брачных отношений, в связи с чем разделу не подлежат.

Судебные инстанции в результате неправильного применения и толкования норм материального права, регулирующих спорные отношения, не учли, что трудовая деятельность осуществлялась В. в период брака и предусматривала поступление от нее дохода, в связи с чем перечисление работодателем денежных средств на счет ответчика во исполнение ранее возникших обязательств, вытекающих из трудовых отношений, состоявшееся после прекращения брака, не изменяет режим общего имущества супругов и не лишает истца права на получение части этих средств при их разделе на основании ст.ст. 38, 39 СК РФ.

При таких обстоятельствах выводы судов о том, что полученные одним из супругов после прекращения брачных отношений денежные средства от трудовой деятельности, осуществляемой в период брака, не могут являться совместно нажитым имуществом, признаны не основанными на законе.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, направив дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 5-КГ21-101-К2

Разрешение споров о взыскании страхового возмещения

4. Лицо, имеющее право на страховое возмещение по договору ОСАГО в случае смерти потерпевшего, обратившееся за страховым возмещением после того, как оно уже выплачено другим лицом, вправе требовать от этих лиц возврата причитающейся ему страховой выплаты.

На страховщика, правомерно выплатившего страховое возмещение ранее обратившимся лицом, не может быть возложена обязанность по выплате дополнительного возмещения сверх установленного законом размера.

3. В интересах несовершеннолетней дочери Т. обратилась в суд с иском к страховой компании и И. о взыскании страховой выплаты, неустойки, штрафа, о компенсации морального вреда, указав, что после смерти В. страховое возмещение по договору ОСАГО было незаконно выплачено страховой компанией матери погибшего — И., в то время как должно было быть выплачено его ребенку Т.

Решением суда иск удовлетворен частично, с И. взыскана неосновательно полученная сумма страхового возмещения, в удовлетворении остальной части иска отказано.

Взыскивая полученные в качестве страхового возмещения денежные средства с матери погибшего, суд первой инстанции руководствовался ст.ст. 1088 и 1102 ГК РФ, пп. 6 и 7 ст. 12 Федерального закона от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ “Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транс-

портных средств” (далее — Закон об ОСАГО), при этом пришел к выводу, что право на возмещение вреда принадлежит в первую очередь несовершеннолетней Т., а у матери погибшего такое право отсутствует. Поскольку страховое возмещение уже выплачено матери погибшего, суд взыскал с нее в пользу несовершеннолетней Т. неосновательно полученную сумму страхового возмещения, а в удовлетворении иска к страховой компании отказал.

Суд апелляционной инстанции с выводами суда первой инстанции не согласился, указав, что у страховой компании возникла обязанность произвести страховую выплату несовершеннолетней Т. по заявлению ее законного представителя, поскольку выплата страхового возмещения матери погибшего как лицу, не имеющему права на ее получение, нельзя признать надлежащим исполнением обязательства страховой компаний.

Апелляционным определением решение суда первой инстанции отменено, постановлено новое решение, которым иск удовлетворен частично, со страховой компании (ответчика) взысканы страховое возмещение, неустойка, штраф, сумма компенсации морального вреда, судебные расходы, в удовлетворении остальной части исковых требований отказано.

Кассационный суд общей юрисдикции апелляционное определение оставил без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала обжалуемые апелляционное определение и определение суда кассационной инстанции вынесенными с существенным нарушением норм права по следующим основаниям.

Согласно п. 6 ст. 12 Закона об ОСАГО в случае смерти потерпевшего право на возмещение вреда имеют лица, имеющие право в соответствии с гражданским законодательством на возмещение вреда в случае смерти кормильца, при отсутствии таких лиц — супруг, родители, дети потерпевшего, граждане, у которых потерпевший находился на иждивении, если он не имел самостоятельного дохода (выгодоприобретатели).

В соответствии с абз. 1 п. 8 ст. 12 Закона об ОСАГО страховщик в течение 15 календарных дней, за исключением нерабочих праздничных дней, со дня принятия первого заявления о страховом возмещении в части возмещения вреда, причиненного жизни потерпевшего в результате страхового случая, принимает заявления о страховом возмещении и предусмотренные правилами обязательного страхования документы от других выгодоприобретателей. В течение 5 календарных дней, за исключением нерабочих праздничных дней, после окончания указанного срока принятия заявлений от лиц, имеющих право на возмещение вреда в случае смерти потерпевшего, страховщик осуществляет страховую выплату.

Из содержания приведенных выше норм права следует, что законодатель установил заявительный порядок для реализации лицом права на получение страховой выплаты, что не противоречит п. 2 ст. 1 ГК РФ, в соответствии с которым граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе.

Судом установлено, что представитель матери потерпевшего обратился к страховщику с заявлением о выплате страхового возмещения в связи с наступлением страхового случая, представив все предусмотренные Правилами ОСАГО документы.

Поскольку в течение установленного п. 8 ст. 12 Закона об ОСАГО пятнадцатидневного срока со дня принятия первого заявления иных заявлений от лиц, имеющих право на получение страхового возмещения, в адрес страховой компании не поступало, страховщиком принято решение о выплате страхового возмещения в полном объеме матери потерпевшего.

Ссылаясь на то, что обязанность по выплате страхового возмещения не была исполнена страховщиком надлежащим образом, поскольку страховая выплата надлежащим выгодоприобретателем не получена, суд апелляционной инстанции не исследовал вопрос о том, могла ли страховая компания отказать в выплате страхового возмещения лицу, обратившемуся с соответствующим заявлением и представившему все предусмотренные Правилами ОСАГО документы, в отсутствие заявлений иных лиц.

Кроме того, суд не принял во внимание, что даже при наличии сведений о выгодоприобретателе, имеющем преимущественное право на получение страхового возмещения, обязанность по выплате ему данного возмещения у страховой компании отсутствует до обращения такого лица с заявлением и приложенными к нему документами.

Таким образом, суд апелляционной инстанции не указал, какие нормы закона были нарушены страховой компанией при выплате страхового возмещения матери погибшего, а также не назвал норму закона, позволяющую возложить на страховщика обязанность повторно выплатить страховое возмещение вновь обратившемуся лицу.

Судебной коллегией по гражданским делам областного суда также не приняты во внимание положения абз. 3 п. 8 ст. 12 Закона об ОСАГО, в соответствии с которым лицо, имеющее право на возмещение вреда в случае смерти потерпевшего в результате страхового случая и предъявившее страховщику требование о страховом возмещении после того, как страховая выплата по данному страховому случаю была распределена между лицами, имеющими право на возмещение вреда в случае смерти потерпевшего, вправе требовать от этих лиц возврата причитающейся в соответствии с названным Федеральным законом части страховой выплаты или требовать выплаты возмещения вреда от лица, причинившего вред жизни потерпевшему в результате данного страхового случая, в соответствии с гражданским законодательством.

Данная норма Закона с учетом системного толкования его положений предусматривает право преимущественного выгодоприобретателя требовать перераспределения, в том числе и в полном объеме, уже полученной страховой выплаты, предъявляя такое требование не к исполнившей свои обязательства страховой компании, а к лицам, получившим такое страховое возмещение.

Кроме того, судом при разрешении данного спора не исследован вопрос о возможности нахождения матери погибшего на его иждиве-

нии, в связи с чем она могла быть отнесена к лицам, имеющим право на первоочередное получение страхового возмещения в соответствии с п. 6 ст. 12 Закона об ОСАГО.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила обжалуемые судебные постановления и направила дело на новое апелляционное рассмотрение.

Определение № 81-КГ21-11-К8

Разрешение споров, связанных с пенсионными и социальными отношениями

5. Периоды военной службы в составе Вооруженных Сил СССР засчитываются в трудовой стаж гражданина Российской Федерации для назначения ему страховой пенсии по старости независимо от того, на территории какой из бывших союзных республик дислоцировалась воинская часть, в которой он проходил действительную военную службу.

Ш. 25 февраля 2020 г. обратился в суд с иском к пенсионному органу о возложении обязанности включить в страховой стаж период прохождения военной службы, произвести перерасчет размера страховой пенсии по старости.

В обоснование заявленных требований Ш. указал, что 17 июля 2019 г. на основании положений Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» ему назначена страховая пенсия по старости. При определении права на страховую пенсию и ее размера пенсионным органом в страховой стаж Ш. включен период прохождения им военной службы с 5 ноября 1979 г. по 23 декабря 1998 г. Однако решением пенсионного органа от 10 октября 2019 г. период прохождения Ш. действительной военной службы в составе Вооруженных Сил СССР с 5 ноября 1979 г. по 6 ноября 1992 г. исключен из страхового стажа Ш. в связи с тем, что военная служба в этот период проходила на территории Эстонской ССР (с 1991 года Эстонская Республика), произведен перерасчет назначенной Ш. страховой пенсии по старости, и с 1 октября 2019 г. выплата страховой пенсии по старости производится Ш. в меньшем размере, чем было установлено 17 июля 2019 г.

Ш. полагал, что спорный период прохождения им военной службы в составе Вооруженных Сил СССР необоснованно исключен пенсионным органом из его страхового стажа, в связи с чем просил суд обязать ответчика включить в его страховой стаж период прохождения им действительной военной службы в составе Вооруженных Сил СССР с 5 ноября 1979 г. по 6 ноября 1992 г., произвести перерасчет размера страховой пенсии по старости с момента ее назначения — с 17 июля 2019 г.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении требований Ш. отказано.

В обоснование отказа в иске суд первой инстанции указал, что включение в страховой стаж Ш. периода прохождения им действительной военной службы в составе Вооруженных Сил СССР с 5 ноября 1979 г. по 6 ноября 1992 г. на территории Эстонской ССР возлагается на Эстонскую Республику, поскольку с учетом принципа пропорциональной ответственности, закрепленного Договором между

Российской Федерацией и Эстонской Республикой о сотрудничестве в области пенсионного обеспечения от 14 июля 2011 г. и предполагающего полное разделение ответственности за периоды пенсионного стажа, приобретенного на территории Договаривающихся Сторон, не только в период после распада СССР, но и в период его существования, каждая Договаривающаяся Сторона согласно своему законодательству начисляет и выплачивает пенсию, соответствующую стажу, приобретенному на ее территории. На Российскую Федерацию в соответствии с положениями названного Договора возлагается обязанность исчисления и выплаты пенсии только за стаж, приобретенный гражданином на территории Российской Федерации.

Кассационный суд общей юрисдикции постановлением судов первой и апелляционной инстанций оставил без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судебных инстанций об отсутствии оснований для включения в страховой стаж Ш. периода прохождения им действительной военной службы в рядах Вооруженных Сил СССР с 5 ноября 1979 г. по 6 ноября 1992 г. в войсковой части, дислоцировавшейся на территории Эстонской ССР, а также выводы об отсутствии правовых оснований для перерасчета назначенной Ш. страховой пенсии по старости с учетом указанного периода с момента назначения — с 17 июля 2019 г. основанными на неправильном применении норм материального права, указав следующее.

Основания возникновения и порядок реализации права граждан Российской Федерации на страховые пенсии установлены Федеральным законом «О страховых пенсиях», вступившим в силу с 1 января 2015 г.

14 июля 2011 г. между Российской Федерацией и Эстонской Республикой был заключен Договор о сотрудничестве в области пенсионного обеспечения (далее — Договор), ратифицированный Российской Федерацией и вступивший в силу с 1 апреля 2012 г. (временно применялся с 16 октября 2011 г.).

Договор распространяется на отношения, относящиеся: 1) в Российской Федерации — к трудовым пенсиям по старости, по инвалидности, по случаю потери кормильца; социальным пенсиям; 2) в Эстонской Республике — к государственному пенсионному страхованию, включая народную пенсию (ст. 2 Договора). Согласно ст. 3 данный Договор применяется к лицам, проживающим на территориях Договаривающихся Сторон и являющимся их гражданами или лицами без гражданства, на которых распространяется или ранее распространялось действие законодательства каждой из Договаривающихся Сторон в соответствии со ст. 2 Договора.

При назначении пенсии в соответствии с Договором учитываются периоды пенсионного стажа, приобретенные на территориях Договаривающихся Сторон, в том числе на территориях бывших РСФСР и ЭССР (п. 1 ст. 5 Договора). Пунктом 1 ст. 6 Договора предусмотрено, что каждая Договаривающаяся Сторона исчисляет размер пенсии, соответствующий пенсионному стажу, приобретенному на ее территории, согласно положениям своего законодательства. Периоды пенсионного стажа,

приобретенные на территории бывшего СССР, кроме территорий бывших РСФСР и ЭССР, не учитываются при определении размера пенсии.

Согласно подп. 4 п. 1 ст. 1 Договора под пенсионным стажем понимаются: в Российской Федерации — период, учитываемый согласно законодательству Российской Федерации при определении права на пенсии и их размеров, а также конвертация пенсионных прав по законодательству Российской Федерации; в Эстонской Республике — период, учитываемый согласно законодательству Эстонской Республики при определении права на пенсии и их размеров.

Таким образом, названный международный Договор, как следует из его положений, в части пенсионного обеспечения лиц, проживающих на территориях Договаривающихся Сторон, базируется на пропорциональном принципе: полное разделение ответственности за периоды пенсионного стажа, приобретенного на территории Договаривающихся Сторон, не только после распада СССР, но и в период его существования; за периоды стажа, приобретенного на территориях бывших РСФСР и ЭССР, каждая Договаривающаяся Сторона начисляет и выплачивает пенсию, соответствующую стажу, приобретенному на ее территории, согласно своему законодательству.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 12 Федерального закона “О страховых пенсиях” в страховой стаж наравне с периодами работы и (или) иной деятельности, которые предусмотрены ст. 11 данного Закона, засчитывается период прохождения военной службы, а также другой приравненной к ней службы, предусмотренной Законом РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 “О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, и их семей” (в редакции, действовавшей на момент обращения Ш. в пенсионный орган — 17 июля 2019 г. с заявлением о назначении страховой пенсии по старости).

В силу ч. 8 ст. 13 Федерального закона “О страховых пенсиях” при исчислении страхового стажа в целях определения права на страховую пенсию периоды работы и (или) иной деятельности, которые имели место до дня вступления в силу данного Федерального закона и засчитывались в трудовой стаж при назначении пенсии в соответствии с законодательством, действовавшим в период выполнения работы (деятельности), могут включаться в указанный стаж с применением правил подсчета соответствующего стажа, предусмотренных указанным законодательством (в том числе с учетом льготного порядка исчисления стажа), по выбору застрахованного лица.

В период прохождения Ш. действительной военной службы в рядах Вооруженных Сил СССР территория СССР была едина и включала территории союзных республик, в том числе Эстонской ССР. Согласно ст.ст. 71, 75 Конституции (Основной закон) СССР от 7 октября 1977 г. суверенитет СССР распространялся на всю его территорию.

Прохождение военной службы гражданами СССР в спорный период (с 5 ноября 1979 г. по 6 ноября 1992 г.) регулировалось Законом СССР от 12 октября 1967 г. № 1950-VII “О всеобщей воинской обязанности”, согласно ст. 78 которого время нахождения граждан на действительной военной службе в рядах Вооруженных Сил СССР засчитывается в их трудовой стаж.

Пенсионное обеспечение граждан СССР в спорный период регулировалось Законом СССР от 14 июля 1956 г. “О государственных пенсиях” и Положением о порядке назначения и выплаты государственных пенсий, утвержденным постановлением Совета Министров СССР от 3 августа 1972 г. № 590. В соответствии с подп. “к” п. 109 Положения о порядке назначения и выплаты государственных пенсий служба в составе Вооруженных Сил СССР засчитывалась в общий стаж работы.

Таким образом, прохождение службы в рядах Вооруженных Сил СССР гражданином СССР — государства, имевшего единую территорию, включавшую территории союзных республик, засчитывалось в трудовой стаж гражданина независимо от того, на территории какой союзной республики гражданин СССР проходил военную службу.

Принимая во внимание изложенное, названный период действительной военной службы Ш. в составе Вооруженных Сил СССР с учетом норм Федерального закона “О страховых пенсиях” подлежал включению в страховой стаж пенсионным органом при определении права истца на пенсионное обеспечение и размера подлежащей выплате страховой пенсии по старости. Иное разрешение данного вопроса привело бы к умалению прав Ш. на социальное обеспечение по возрасту, гарантированное Конституцией Российской Федерации и относящееся к основным правам и свободам человека и гражданина. То обстоятельство, что воинская часть, в которой Ш. с 5 ноября 1979 г. по 6 ноября 1992 г. проходил действительную военную службу в рядах Вооруженных Сил СССР, дислоцировалась на территории Эстонской ССР, не может влиять на реализацию им права на пенсионное обеспечение в Российской Федерации.

Исходя из изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 91-КГ21-5-К3

6. Право на получение мер социальной поддержки в виде компенсации расходов на оплату жилого помещения и коммунальных услуг не может быть поставлено в зависимость от наличия у гражданина задолженности по этим платежам, образовавшейся по уважительной причине в связи со сменой управляющей компании и изменением реквизитов для осуществления данных платежей.

Б. 25 июня 2019 г. обратился в суд с иском к органу социальной защиты населения о возложении обязанности возобновить выплату денежной компенсации расходов на оплату жилого помещения и коммунальных услуг, о компенсации морального вреда, указывая, что с 1 ноября 2011 г. решением органа социальной защиты населения была прекращена выплата предоставляемой ему как инвалиду денежной компенсации расходов на оплату жилого поме-

шения и коммунальных услуг по причине наличия у него задолженности по оплате жилого помещения и коммунальных услуг более двух месяцев.

24 ноября 2016 г. по факту непредоставления денежной компенсации расходов на оплату жилого помещения и (или) коммунальных услуг Б. обратился в прокуратуру. В ответе прокуратуры от 23 декабря 2016 г. Б. было сообщено, что у него имеется переплата по платежам за жилое помещение и коммунальные услуги в размере 60 000 руб.

По мнению Б., поскольку задолженности по оплате жилого помещения и коммунальных услуг он не имеет, отказ в предоставлении органом социальной защиты населения полагающейся ему денежной компенсации расходов на оплату жилого помещения и коммунальных услуг является неправомерным, нарушает его право как инвалида III группы на получение мер социальной поддержки по оплате жилого помещения и коммунальных услуг. Б. просил суд возложить на орган социальной защиты населения обязанность возобновить ему выплату денежной компенсации расходов на оплату жилого помещения и коммунальных услуг с учетом индексации с 1 ноября 2011 г., взыскать с ответчика сумму компенсации морального вреда в размере 50 000 руб. в связи с его переживаниями по поводу незаконных действий уполномоченного органа.

Разрешая спор и отказывая Б. в удовлетворении исковых требований о возложении обязанности возобновить выплату ежемесячной денежной компенсации расходов на оплату жилого помещения и (или) коммунальных услуг, о компенсации морального вреда, суд первой инстанции, ссылаясь на положения ст. 160 ЖК РФ, ч. 2 ст. 2, ст.ст. 17 и 28² Федерального закона от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ “О социальной защите инвалидов в Российской Федерации”, ст. 15 Закона Воронежской области от 14 ноября 2008 г. № 103-ОЗ “О социальной поддержке отдельных категорий граждан в Воронежской области”, разъяснения, изложенные в пп. 45, 47 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 22 “О некоторых вопросах рассмотрения судами споров по оплате коммунальных услуг и жилого помещения, занимаемого гражданами в многоквартирном доме по договору социального найма или принадлежащего им на праве собственности”, исходя из положений пп. 1.1.3, 5.1, 5.2 Правил предоставления гражданам денежной компенсации расходов на оплату жилого помещения и (или) коммунальных услуг, утвержденных приказом Департамента социальной защиты Воронежской области от 25 декабря 2017 г. № 82/н, устанавливающих обстоятельства, при наличии которых выплата компенсации расходов на оплату жилого помещения и коммунальных услуг приостанавливается, в числе которых наличие задолженности по оплате жилого помещения и (или) коммунальных услуг за 2 месяца и более, пришел к выводу о том, что прекращение выплаты Б. денежной компенсации расходов на оплату жилого помещения и (или) коммунальных услуг осуществлено управлением социальной защиты населения на основании сведений о задолженности, представленных управляющей компанией, в связи с чем нарушения прав Б. со

стороны управления социальной защиты населения не допущено.

Суд первой инстанции также указал, что наличие задолженности по оплате жилищно-коммунальных услуг Б. не опровергнуто, каких-либо мер по погашению имеющейся задолженности, в том числе по урегулированию вопроса в отношении данной задолженности с управляющей компанией, Б. не принято, размер начисленных и неоплаченных сумм по оплате жилищно-коммунальных услуг истцом не оспорен. Отклоняя доводы Б. о наличии у него переплаты по жилищно-коммунальным услугам, суд первой инстанции отметил, что Б. с 2012 года самовольно производит оплату жилищно-коммунальных услуг ненадлежащим образом и ненадлежащему получателю, вследствие чего у него возникла переплата по услуге “плата за жилое помещение”. По мнению суда первой инстанции, данное обстоятельство не может быть признано уважительной причиной возникновения у Б. с 2011 года задолженности по оплате иных жилищно-коммунальных услуг.

Отказывая в удовлетворении исковых требований Б. о компенсации морального вреда, суд первой инстанции полагал, что действиями органа социальной защиты населения, выразившимися в приостановлении предоставления денежной компенсации на оплату жилого помещения и коммунальных услуг, личные неимущественные права Б. нарушены не были.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием, дополнительно отметив, что денежные средства, перечисленные Б. на счет управляющей компании в превышающем размере (48 448 руб.), не погашают образовавшейся задолженности Б. перед поставщиками коммунальных услуг, вопрос о перераспределении данной суммы может быть разрешен в рамках правоотношений между Б. и управляющей компанией.

Кассационный суд общей юрисдикции признал выводы судов первой и апелляционной инстанций правильными.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ с выводами судебных инстанций не согласилась, признала их основанными на неправильном толковании и применении норм права, сделанными без учета фактических обстоятельств дела, указав, что положения федерального и регионального законодательства, которым руководствовались суды первой и апелляционной инстанций при разрешении данного спора, не предусматривают возможность отказа гражданину, имеющему задолженность по оплате жилого помещения и коммунальных услуг, в предоставлении мер социальной поддержки в форме выплаты компенсации расходов на оплату жилого помещения и коммунальных услуг, если эта задолженность образовалась по уважительной причине.

В п. 47 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 22 “О некоторых вопросах рассмотрения судами споров по оплате коммунальных услуг и жилого помещения, занимаемого гражданами в многоквартирном доме по договору социального найма или принадлежащего им на праве собственности” разъяснено, что меры социальной поддержки по оплате жилого помещения и коммунальных услуг по общему правилу предостав-

ляются гражданам при отсутствии у них задолженности по оплате жилого помещения и коммунальных услуг или при заключении и (или) выполнении гражданами соглашений по ее погашению (ч. 5 ст. 159 ЖК РФ). Вместе с тем само по себе наличие задолженности по оплате жилого помещения и коммунальных услуг не может служить безусловным основанием для отказа в предоставлении мер социальной поддержки. В связи с этим суду при разрешении споров, связанных с предоставлением мер социальной поддержки по оплате жилого помещения и коммунальных услуг, необходимо выяснять причины образования этой задолженности, период ее образования, а также какие меры приняты гражданином по погашению задолженности по оплате жилого помещения и коммунальных услуг и (или) заключены ли соглашения о порядке погашения этой задолженности. Эти обстоятельства должны быть отражены в судебном решении. При наличии уважительных причин возникновения задолженности по оплате жилого помещения и коммунальных услуг (невыплата заработной платы в срок, тяжелое материальное положение нанимателя (собственника) и дееспособных членов его семьи в связи с утратой ими работы и невозможностью трудоустройства, несмотря на принимаемые ими меры; болезнь, нахождение на стационарном лечении нанимателя (собственника) и (или) членов его семьи; наличие в составе семьи инвалидов, несовершеннолетних детей и другие) в предоставлении мер социальной поддержки не может быть отказано.

Между тем, как усматривается из материалов дела, приостановление уполномоченным органом предоставления Б. денежной компенсации расходов на оплату жилого помещения и коммунальных услуг было обусловлено полученной в октябре 2011 г. органом социальной защиты населения в рамках электронно-информационного обмена с расчетными центрами информацией о наличии у Б. задолженности более 2 месяцев по оплате предоставляемых ему жилищно-коммунальных услуг. Однако соответствует ли действительному положению дел эта информация, уполномоченным органом проверено не было, несмотря на утверждение Б. о том, что задолженность по оплате жилищно-коммунальных услуг у него отсутствует, он регулярно оплачивает коммунальные услуги путем внесения денежных средств на счет управляющей компании (ОАО «УК Ленинского района»), с которой в 2009 году им был заключен соответствующий договор управления многоквартирным домом.

В связи с обращением Б. 24 ноября 2016 г. в прокуратуру по факту непредоставления ему денежной компенсации расходов на оплату жилого помещения и (или) коммунальных услуг проведена соответствующая прокурорская проверка, по результатам которой было установлено, что исходя из данных финансового лицевого счета по месту жительства Б. и платежной квитанции за октябрь 2016 г. имеет место переплата Б. по коммунальным платежам в размере 60 000 руб., перенесенная на строку «содержание и ремонт жилья».

Согласно ответу прокуратуры от 23 декабря 2016 г. управляющая организация, осуществляющая управление многоквартирным домом, с июня 2012 г. неоднократно менялась, но, по

сути, изменялось лишь ее юридическое наименование (с ОАО на АО и т.п.) и ИНН, при этом право требования уплаты задолженности по оплате жилищно-коммунальных услуг переходило к следующей управляющей организации.

Обстоятельства, свидетельствующие о регулярном внесении Б. денежных средств в счет оплаты предоставляемых ему коммунальных услуг по реквизитам управляющей компании (ОАО «УК Ленинского района»), прекратившей свою деятельность, не были предметом судебной проверки с целью установления наличия (отсутствия) уважительных причин образования у Б. задолженности по оплате жилого помещения и коммунальных услуг. Отклоняя доводы Б. о наличии у него переплаты по жилищно-коммунальным услугам и отказывая в признании причины возникновения у Б. задолженности по оплате жилищно-коммунальных услуг уважительной, суды первой и апелляционной инстанций ограничились суждением о том, что Б. с 2012 года самовольно производит оплату жилищно-коммунальных услуг ненадлежащим образом и ненадлежащему получателю, вследствие чего у него возникла переплата по услуге «плата за жилое помещение», однако сохраняется задолженность по платежам ресурсоснабжающим организациям.

Данных о том, что Б. уполномоченным органом разяснялась ситуация, связанная со сменой управляющей компании, сохранившей при этом идентичное название (ОАО «УК Ленинского района», АО «УК Ленинского района»), и изменением в связи с такой сменой реквизитов для осуществления коммунальных платежей, предоставлялись правоустанавливающие документы, подтверждающие полномочия управляющей компании по выставлению счетов Б. для внесения оплаты по коммунальным платежам, что могло свидетельствовать о его намеренных действиях ненадлежащим образом вносить денежные средства в счет оплаты предоставляемых ему коммунальных услуг, в материалах дела не имеется.

В связи с этим Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала, что по данному делу юридически значимым являлось установление следующих обстоятельств: размер задолженности Б. по оплате жилищно-коммунальных услуг, на которую указано органом социальной защиты населения в качестве основания для приостановления выплаты ему денежной компенсации расходов на оплату жилого помещения и (или) коммунальных услуг; соотношение задолженности с размером имеющейся на финансовом лицевого счете Б. переплаты по платежам за жилое помещение и предоставление коммунальных услуг; причины, по которым управляющая компания (АО «УК Ленинского района») при наличии переплаты не разрешила вопрос о перераспределении излишне внесенных Б. для оплаты жилого помещения и коммунальных услуг денежных сумм, если такая задолженность имеет место; какой организации и на основании каких правоустанавливающих документов Б. надлежало производить оплату жилого помещения и коммунальных услуг; по какой причине истцом, регулярно производящим платежи за предоставляемые ему коммунальные услуги, данная оплата осуществлялась ненадлежащим образом.

Эти юридически значимые для дела обстоятельства судами первой и апелляционной инстанций не устанавливались.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, дело направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 14-КГ21-13-К1

Процессуальные вопросы

7. Исходя из правового регулирования организации и деятельности федеральных учреждений медико-социальной экспертизы и положений ч. 3 ст. 95 ГПК РФ проведение такими учреждениями судебной медико-социальной экспертизы гражданина для определения его потребностей в мерах социальной защиты является расходным обязательством Российской Федерации и осуществляется данными учреждениями бесплатно.

С. обратился в суд с иском к главному бюро медико-социальной экспертизы по субъекту Российской Федерации (далее — главное бюро), в котором просил признать незаконными его решение об отказе в повышении группы инвалидности и выданную ему индивидуальную программу реабилитации инвалида, обязать ответчика переоформить индивидуальную программу реабилитации инвалида с установлением соответствующих ограничений жизнедеятельности.

В процессе рассмотрения дела С. заявил ходатайство о проведении медико-социальной экспертизы в федеральном государственном бюджетном учреждении “Федеральное бюро медико-социальной экспертизы” Минтруда России (далее — Федеральное бюро) для проверки обоснованности решения главного бюро об отказе в повышении ему группы инвалидности и переоформлении индивидуальной программы реабилитации инвалида. С. просил освободить его от расходов на оплату экспертизы в связи с тяжелым материальным положением, так как его доход состоит только из пенсии по инвалидности, приложив соответствующую справку о размере пенсии.

Определением суда по делу назначена судебная медико-социальная экспертиза, проведение которой поручено экспертам Федерального бюро. Расходы на проведение судебной медико-социальной экспертизы возложены на С., в удовлетворении его ходатайства об освобождении от расходов на оплату экспертизы отказано.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определением, в удовлетворении исковых требований отказано.

Определением суда с С. в пользу Федерального бюро взысканы расходы на оплату проведенной по делу судебной медико-социальной экспертизы в сумме 35 000 руб.

Взыскивая с С. расходы на оплату судебной медико-социальной экспертизы в размере, заявленном Федеральным бюро, суд первой инстанции исходил из того, что судебная медико-социальная экспертиза, проведенная Федеральным бюро, была назначена по ходатайству С., заключением по результатам этой экспертизы суд руководствовался при принятии решения по существу спора, счет на оплату экспертизы, направленный Федеральным бюро в суд первой инстанции, оплачен не был. При этом суд первой инстанции отклонил доводы

С. об освобождении его как инвалида II группы от несения расходов на оплату судебной медико-социальной экспертизы, указав, что инвалиды I и II группы в соответствии с Налоговым кодексом РФ освобождаются от уплаты государственной пошлины, но не освобождаются от иных судебных расходов, связанных с рассмотрением дела.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

Судья кассационного суда общей юрисдикции оставил без изменения судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций, не установив нарушения либо неправильного применения ими норм права.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ установила, что при решении вопроса о взыскании с С. в пользу Федерального бюро расходов на оплату проведенной по делу судебной медико-социальной экспертизы судебными инстанциями были допущены существенные нарушения норм права, вызывшиеся в следующем.

Частью 3 ст. 95 ГПК РФ предусмотрено, что эксперты, специалисты и переводчики получают вознаграждение за выполненную ими по поручению суда работу, если эта работа не входит в круг их служебных обязанностей в качестве работников государственного учреждения. Размер вознаграждения экспертам, специалистам определяется судом по согласованию со сторонами и по соглашению с экспертами, специалистами.

Согласно п. 1 ст. 9¹ Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ “О некоммерческих организациях” государственными, муниципальными учреждениями признаются учреждения, созданные Российской Федерацией, субъектом Российской Федерации и муниципальным образованием.

По смыслу изложенного, если эксперт, специалист, переводчик государственного учреждения, обладающие специальными знаниями в определенной области, осуществляют по поручению суда работу, которая непосредственно входит в их служебные обязанности как работников государственного учреждения, вознаграждение им за выполнение этой работы не выплачивается.

Государственную политику в области социальной защиты инвалидов определяет Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ “О социальной защите инвалидов в Российской Федерации”. В силу абз. 2 преамбулы этого Федерального закона предусмотренные данным Законом меры социальной защиты инвалидов являются расходными обязательствами Российской Федерации.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона “О социальной защите инвалидов” признание лица инвалидом осуществляется федеральным учреждением медико-социальной экспертизы. Порядок и условия признания лица инвалидом устанавливаются Правительством РФ.

Частью 1 ст. 7 Федерального закона “О социальной защите инвалидов в Российской Федерации” установлено, что медико-социальная экспертиза — признание лица инвалидом и определение в установленном порядке потребностей освидетельствуемого лица в мерах социальной защиты, включая реабилитацию, на основе оценки ограничений жизнедеятельности,

вызванных стойким расстройством функций организма.

Согласно пп. 1 и 2 ч. 3 ст. 8 Федерального закона “О социальной защите инвалидов в Российской Федерации” на федеральные учреждения медико-социальной экспертизы возлагаются установление инвалидности, ее причин, сроков, времени наступления инвалидности, потребности инвалида в различных видах социальной защиты и разработка индивидуальных программ реабилитации, абилитации инвалидов.

Постановлением Правительства РФ от 20 февраля 2006 г. № 95 утверждены Правила признания лица инвалидом (далее — Правила).

Пунктом 1 Правил (в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных отношений) установлено, что признание лица (далее — гражданин) инвалидом осуществляется федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы: Федеральным бюро медико-социальной экспертизы, главными бюро медико-социальной экспертизы, бюро медико-социальной экспертизы в городах и районах, являющимися филиалами главных бюро.

Согласно нормативным положениям названных Правил медико-социальная экспертиза проводится специалистами бюро (главного бюро, Федерального бюро) (п. 25); решение бюро может быть обжаловано гражданином в главное бюро, а решение главного бюро — в Федеральное бюро (пп. 21, 22, 42, 45); решения бюро, главного бюро, Федерального бюро могут быть обжалованы в суд гражданином (его законным или уполномоченным представителем) в порядке, установленном законодательством Российской Федерации (п. 46).

В соответствии с п. 45 Административного регламента по предоставлению государственной услуги по проведению медико-социальной экспертизы, утвержденного приказом Минтруда России от 29 января 2014 г. № 59н (действовал на момент возникновения спорных отношений), предоставление гражданину государственной услуги федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы осуществляется бесплатно.

Приказом Минтруда России от 11 октября 2012 г. № 310н утвержден Порядок организации и деятельности федеральных государственных учреждений медико-социальной экспертизы (действовал на момент возникновения спорных отношений), в подп. “а”, “в”, “г” п. 7 которого предусмотрено, что Федеральное бюро выполняет следующие функции: проводит медико-социальную экспертизу граждан, обжаловавших решения экспертных составов главных бюро; оценивает качество предоставления государственной услуги по проведению медико-социальной экспертизы и проводит при осуществлении контроля за решениями главных бюро повторную медико-социальную экспертизу граждан, прошедших медико-социальную экспертизу в экспертных составах главных бюро, и при наличии достаточных оснований изменяет либо отменяет решения экспертных составов главных бюро; рассматривает жалобы граждан на действия (бездействие) главных бюро, их должностных лиц и в случае признания их обоснованными принимает меры по устранению выявленных недостатков.

Аналогичные нормы о функциях Федерального бюро содержатся в действующем в настоящее время Порядке организации и деятельности федеральных учреждений медико-социальной экспертизы, утвержденном приказом Минтруда России от 30 декабря 2020 г. № 979н (начало действия документа — 14 июня 2021 г.). Пунктом 7 данного Порядка определено, что Федеральное бюро в числе прочих функций оказывает услугу по проведению медико-социальной экспертизы гражданам, обжаловавшим решения экспертных составов главных бюро; осуществляет контроль за решениями главных бюро. В п. 47 названного Порядка указано, что оказание услуги по проведению медико-социальной экспертизы федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы осуществляется бесплатно.

Из приведенных нормативных положений следует, что признание гражданина инвалидом и установление группы инвалидности производится федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы, к которым относятся бюро медико-социальной экспертизы в городах и районах, главные бюро и Федеральное бюро. Проведение названными федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы гражданина для определения его потребностей в мерах социальной защиты является расходным обязательством Российской Федерации и осуществляется данными учреждениями бесплатно. Решение, принятое федеральным учреждением по результатам проведения медико-социальной экспертизы гражданина, может быть обжаловано им (его законным или уполномоченным представителем) в вышестоящее федеральное учреждение медико-социальной экспертизы или в суд. Федеральное бюро при осуществлении возложенных на него функций проводит медико-социальную экспертизу граждан, обжаловавших решения экспертных составов главных бюро.

Таким образом, с учетом правового регулирования организации и деятельности федеральных учреждений медико-социальной экспертизы и положений ч. 3 ст. 95 ГПК РФ проведение Федеральным бюро медико-социальной экспертизы гражданина, обжаловавшего решение главного бюро, производится бесплатно, независимо от того, куда обратился гражданин за обжалованием решения главного бюро — в Федеральное бюро или в суд, поскольку осуществление такой экспертизы гражданином входит в функциональные обязанности Федерального бюро. Иной порядок, т.е. взыскание расходов на проведение судебной медико-социальной экспертизы, привело бы к нарушению предусмотренного законом права гражданина на бесплатное получение услуг Федерального бюро по проведению медико-социальной экспертизы в случае его несогласия с решением главного бюро, поставив в худшее правовое положение гражданина, обратившегося в суд, по сравнению с другими гражданами, обжаловавшими решения главного бюро непосредственно в Федеральное бюро.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления о взыскании с С. в пользу Федерального бюро расходов на оплату проведенной по делу судебной медико-социальной экспертизы, дело по заявлению Федерального бюро об

оплате проведенной судебной медико-социальной экспертизы направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 36-КГ21-3-К2

8. Споры о принадлежности имущества, в отношении которого судебным приставом-исполнителем наложен запрет на распоряжение им, подлежат рассмотрению в порядке искового производства.

Э. обратился в суд с иском к обществу об отмене запретов на совершение регистрационных действий в отношении 2 автомобилей, приобретенных им по договору купли-продажи у ответчика.

Указанные ограничения были применены судебным приставом-исполнителем в рамках исполнительного производства о взыскании с этого общества задолженности в пользу юридических и физических лиц.

Суд первой инстанции отказал в иске, сославшись на то, что истец просил не освободить имущество от наложенного ареста или исключить его из описи, а отменить запреты на совершение регистрационных действий, и указал, что Э. избрал ненадлежащий способ защиты нарушенного права.

Суд апелляционной инстанции согласился с решением суда.

Кассационный суд общей юрисдикции судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций оставил без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала состоявшиеся по делу судебные акты вынесенными с существенным нарушением норм права, указав следующее.

В силу ч. 1 ст. 64 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее — Закон об исполнительном производстве) исполнительными действиями являются совершаемые судебным приставом-исполнителем в соответствии с данным Федеральным законом действия, направленные на создание условий для применения мер принудительного исполнения, а равно на понуждение должника к полному, правильному и своевременному исполнению требований, содержащихся в исполнительном документе.

В п. 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» разъяснено, что перечень исполнительных действий, приведенный в ч. 1 ст. 64 Закона об исполнительном производстве, не является исчерпывающим, судебный пристав-исполнитель вправе совершать иные действия, необходимые для своевременного, полного и правильного исполнения исполнительных документов (п. 17 ч. 1 названной статьи), если они соответствуют задачам и принципам исполнительного производства (ст.ст. 2 и 4 указанного Закона), не нарушают защищаемые федеральным законом права должника и иных лиц. К числу таких действий относится установление запрета на распоряжение принадлежащим должнику имуществом (в том числе запрета на совершение в отношении его регистрационных действий).

Запрет на распоряжение имуществом налагается в целях обеспечения исполнения исполнительного документа и предотвращения выбытия имущества, на которое впоследствии

может быть обращено взыскание, из владения должника в случаях, когда судебный пристав-исполнитель обладает достоверными сведениями о наличии у должника индивидуально-определенного имущества, но при этом обнаружить и (или) произвести опись такого имущества по тем или иным причинам затруднительно (например, когда принадлежащее должнику транспортное средство скрывается им от взыскания).

Из приведенных положений Федерального закона и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ следует, что судебный пристав-исполнитель вправе совершать различные исполнительные действия, направленные на создание условий для применения мер принудительного исполнения и понуждения должника к полному, правильному и своевременному исполнению требований, содержащихся в исполнительном документе.

При этом перечень исполнительных действий, приведенный в ч. 1 ст. 64 Закона об исполнительном производстве, не является исчерпывающим, к числу таких действий относится также установление запрета на распоряжение принадлежащим должнику имуществом (в том числе запрета на совершение в отношении его регистрационных действий).

В силу ч. 1 ст. 3 ГПК РФ заинтересованное лицо вправе в порядке, установленном законодательством о гражданском судопроизводстве, обратиться в суд за защитой нарушенных либо оспариваемых прав, свобод или законных интересов.

Частью 2 ст. 442 ГПК РФ определено, что заявленный лицами, не принимавшими участия в деле, спор, связанный с принадлежностью имущества, на которое обращено взыскание, рассматривается судом по правилам искового производства (абз. 1).

Иски об освобождении имущества от ареста (исключении из описи) предъявляются к должнику и взыскателю. В случае, если арест или опись имущества произведены в связи с конфискацией имущества, в качестве ответчиков привлекаются лицо, чье имущество подлежит конфискации, и соответствующий государственный орган. В случае, если арестованное или включенное в опись имущество уже реализовано, иск предъявляется также к приобретателю имущества (абз. 2).

Как разъяснено в абз. 2 п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства», исковой порядок установлен для рассмотрения требований об освобождении имущества от ареста (исключении из описи) в случае возникновения спора, связанного с принадлежностью имущества; об отмене установленного судебным приставом-исполнителем запрета на распоряжение имуществом, в том числе запрета на совершение регистрационных действий в отношении имущества (для лиц, не участвующих в исполнительном производстве); о возврате реализованного имущества; об обращении взыскания на заложенное имущество; о признании торгов недействительными; о возмещении убытков, причиненных в результате совершения исполнительных действий и (или) применения мер принудительного исполнения, и других.

Следовательно, исковой порядок установлен и для рассмотрения требования лица, не участвующего в исполнительном производстве, об отмене установленного судебным приставом-исполнителем запрета на распоряжение имуществом, в том числе запрета на совершение регистрационных действий в отношении имущества.

Обращаясь в суд, Э. ссылался на то, что он как лицо, не участвующее в исполнительном производстве, наделен правом на обращение в суд с иском об отмене установленного судебным приставом-исполнителем запрета на совершение регистрационных действий в отношении транспортных средств, которые он приобрел по договорам купли-продажи еще до осуществления соответствующего исполнительного действия судебным приставом-исполнителем.

Между тем в нарушение положений ст.ст. 56, 67, 198 и 329 ГПК РФ указанные истцом обстоятельства судами первой и апелляционной инстанций не устанавливались и какой-либо оценки не получили.

Суд кассационной инстанции названные доводы также оставил без внимания, не устранив допущенные нижестоящими инстанциями нарушения норм материального и процессуального права.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, дело направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 18-КГ21-130-К4

9. С учетом полномочий по пересмотру вступивших в силу судебных постановлений кассационный суд общей юрисдикции не вправе устанавливать или считать доказанными обстоятельства, которые не были установлены либо опровергнуты судом первой или апелляционной инстанцией.

Б. обратилась в суд с иском к страховой компании, застраховавшей риск гражданской ответственности ОАО «РЖД», о взыскании страховой выплаты, штрафа за неудовлетворение в добровольном порядке требований потребителя, расходов на представителя и расходов на оплату услуг нотариуса. В обоснование требований указано, что принадлежащим ОАО «РЖД» маневровым тепловозом Б. причинены тяжкие телесные повреждения. Факт несчастного случая и получение Б. соответствующих травм установлены вступившим в законную силу решением суда по делу по иску Б. к ОАО «РЖД» о возмещении морального вреда, причиненного источником повышенной опасности. В добровольном порядке страховая компания страховую выплату не произвела.

Суд первой инстанции, установив, что здоровью Б. причинен вред источником повышенной опасности, принадлежащим ОАО «РЖД», гражданская ответственность которого была застрахована ответчиком, пришел к выводу о наличии правовых оснований для взыскания с ответчика страхового возмещения в размере страхового лимита. Поскольку требования Б. в добровольном порядке удовлетворены не были, суд взыскал в ее пользу штраф.

Суд апелляционной инстанции с выводами суда первой инстанции согласился, оставив решение без изменения.

Кассационный суд общей юрисдикции не согласился с выводами нижестоящих судов,

отменил решение суда первой инстанции и апелляционное определение и, не передавая дело на новое рассмотрение, принял новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований.

При этом суд кассационной инстанции исходил из того, что при рассмотрении дела договор страхования был исследован не в полном объеме и надлежащей правовой оценки не получил, юридически значимые обстоятельства в полной мере не учтены и не установлены.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, отменяя постановление суда кассационной инстанции и направляя дело на новое кассационное рассмотрение, руководствовалась ч. 1 ст. 379⁶, ч. 1 ст. 379⁷, ч. 3 ст. 390 ГПК РФ, указала на допущенные кассационным судом общей юрисдикции нарушения норм процессуального права.

Как следует из разъяснений в абз. 2 п. 36 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 17 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции», иная оценка кассационным судом общей юрисдикции доказательств по делу и установление новых фактов не допускаются. Однако, если судами первой и (или) апелляционной инстанций допущены нарушения норм процессуального права при исследовании и оценке доказательств (например, судебное постановление в нарушение требований ст. 60 ГПК РФ основано на недопустимых доказательствах), кассационный суд общей юрисдикции учитывает эти обстоятельства при вынесении кассационного определения.

Аналогичные разъяснения содержались в п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 декабря 2012 г. № 29 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции», действовавшего на момент рассмотрения дела судом кассационной инстанции.

Таким образом, суд общей юрисдикции проверяет правильность применения и толкования нижестоящими судами норм права в пределах доводов, содержащихся в кассационных жалобе, представлении, анализирует соответствие сделанных судами нижестоящих инстанций выводов установленным фактическим обстоятельствам дела с учетом доказательств, которые являлись предметом их исследования и оценки, поскольку от правильности установления юридически значимых для дела обстоятельств зависит и выбор судом подлежащей применению нормы права.

При этом кассационный суд общей юрисдикции не вправе устанавливать или считать доказанными обстоятельства, которые не были установлены либо опровергнуты судом первой или апелляционной инстанцией.

Согласно п. 5 ч. 1 ст. 390 ГПК РФ кассационный суд общей юрисдикции по результатам рассмотрения кассационных жалобы, представления вправе изменить либо отменить постановление суда первой или апелляционной инстанции и принять новое судебное постановление, не передавая дело на новое рассмотрение, если допущена ошибка в применении и (или) толковании норм материального права.

Как разъяснено в п. 40 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 17 “О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции”, если все юридически значимые для правильного разрешения дела обстоятельства установлены нижестоящими судебными инстанциями, но допущена ошибка в применении и толковании норм материального права, кассационному суду общей юрисдикции надлежит принять новое судебное постановление, не передавая дело на новое рассмотрение в суд первой или апелляционной инстанции (п. 5 ч. 1 ст. 390 ГПК РФ).

Аналогичные разъяснения содержались в п. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 декабря 2012 г. № 29 “О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции”, действовавшего на момент рассмотрения дела судом кассационной инстанции.

Судом кассационной инстанции приведенные нормы процессуального права не соблюдены.

Судебная коллегия суда кассационной инстанции, придя к выводу о том, что дело рассмотрено без учета всех юридически значимых обстоятельств, которые установлены не были, не передавая дело на новое рассмотрение, приняла решение, положив в его основу обстоятельства, которые не были установлены судами первой и апелляционной инстанций, посчитав их доказанными.

Таким образом, суд кассационной инстанции, не обнаружив существенной ошибки в применении норм материального права, но указав на существенные нарушения норм процессуального права, фактически пересмотрел дело по существу и вынес по нему новое решение, выйдя, таким образом, за пределы предусмотренных законом полномочий.

Кроме того, кассационный суд общей юрисдикции не учел, что вынесение судом решения о взыскании сумм возмещения с причинителя вреда не освобождает страховщика от исполнения обязательства по страховому возмещению, если это решение суда не исполнено или взысканной суммы недостаточно для полного возмещения вреда.

Определение № 18-КГПР21-126-К4

10. Для исчисления предусмотренного ст. 103¹ ГПК РФ трехмесячного срока на подачу заявления о судебных расходах к последним судебным актам, принятием которых закончилось рассмотрение дела, относится также определение судьи Верховного Суда РФ об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции.

Решением суда от 21 ноября 2018 г., дополнительным решением того же суда от 16 января 2019 г., оставленным без изменения апелляционным определением от 3 апреля 2019 г., частично удовлетворены исковые требования Е. к Ц. о возмещении ущерба, причиненного заливом квартиры.

6 марта 2020 г. Е. обратилась в суд с заявлением о взыскании с Ц. судебных расходов, понесенных ею по данному гражданскому делу.

Возвращая заявление Е. без рассмотрения по существу, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что заявителем пропущен срок

обращения по вопросу возмещения судебных расходов, составляющий 6 месяцев и подлежащий исчислению с 3 апреля 2019 г. (со дня вступления в законную силу последнего судебного акта, которым закончилось рассмотрение дела, — апелляционного определения), и отсутствует ходатайство о его восстановлении.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводом суда первой инстанции о пропуске Е. срока обращения с заявлением о возмещении судебных расходов. Вместе с тем, руководствуясь разъяснениями, содержащимися в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 26 “О некоторых вопросах применения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с введением в действие Федерального закона от 28 ноября 2018 года № 451-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”, суд апелляционной инстанции указал, что такой срок составляет 3 месяца и подлежит исчислению со дня вступления в силу Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”, т.е. с 1 октября 2019 г.

Суд кассационной инстанции оснований для отмены указанных судебных постановлений не усмотрел.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала состоявшиеся по делу судебные постановления незаконными, указав следующее.

В силу ст. 103¹ ГПК РФ, внесенной в данный Кодекс Федеральным законом от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ, заявление по вопросу о судебных расходах, понесенных в связи с рассмотрением дела в суде первой, апелляционной, кассационной инстанций, рассмотрением дела в порядке надзора, не разрешенному при рассмотрении дела в соответствующем суде, может быть подано в суд, рассматривавший дело в качестве суда первой инстанции, в течение 3 месяцев со дня вступления в законную силу последнего судебного акта, принятием которого закончилось рассмотрение дела (ч. 1). Пропущенный по уважительной причине срок подачи заявления по вопросу о судебных расходах, понесенных в связи с рассмотрением дела в суде первой, апелляционной, кассационной инстанций, рассмотрением дела в порядке надзора, не разрешенному при рассмотрении дела в соответствующем суде, может быть восстановлен судом (ч. 2).

Как разъяснено в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 26, трехмесячный срок, установленный для обращения с заявлением о возмещении судебных расходов, начинает исчисляться со дня вступления в силу Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ в соответствии с правилами, установленными ч. 1 ст. 103¹ ГПК РФ, ч. 1 ст. 114¹ КАС РФ в редакции указанного Федерального закона.

Приведенное разъяснение дано относительно применения ст. 103¹ ГПК РФ в переходный период в связи с тем, что в прежней редакции данного Кодекса норма о сроке обращения с заявлением о возмещении судебных расходов отсутствовала, и касается тех случаев,

когда последний судебный акт, которым закончилось рассмотрение дела, был постановлен до 1 октября 2019 г.

Согласно абз. 2 п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 г. № 1 “О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела” принципом распределения судебных расходов выступает возмещение судебных расходов лицу, которое их понесло, за счет лица, не в пользу которого принят итоговый судебный акт по делу (например, решение суда первой инстанции, определение о прекращении производства по делу или об оставлении заявления без рассмотрения, судебный акт суда апелляционной, кассационной, надзорной инстанции, которым завершено производство по делу на соответствующей стадии процесса).

При этом в пп. 28 и 30 этого же постановления Пленума Верховного Суда РФ разъяснено, что после принятия итогового судебного акта по делу лицо, участвующее в деле, вправе обратиться в суд с заявлением по вопросу о судебных издержках, понесенных в связи с рассмотрением дела, о возмещении которых не было заявлено при его рассмотрении, а лицо, подавшее апелляционную, кассационную или надзорную жалобу, а также иные лица, фактически участвовавшие в рассмотрении дела на соответствующей стадии процесса, но не подавшие жалобу, имеют право на возмещение судебных издержек, понесенных в связи с рассмотрением жалобы, в случае, если по результатам рассмотрения дела принят итоговый судебный акт в их пользу.

В Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 15 ноября 2017 г., разъяснено, что в случае направления стороной жалобы о пересмотре судебного акта в кассационном порядке в Верховном Суде РФ последним судебным актом для целей применения ст. 112 АПК РФ является определение об отказе в передаче дела на рассмотрение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ либо определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ.

Статья 112 АПК РФ и ст. 103¹ ГПК РФ регулируют сходные правоотношения и имеют, по существу, аналогичное содержание.

Совокупность приведенных норм и актов их толкования в их системном единстве предполагает, что законодатель установил срок для обращения с заявлением о возмещении судебных расходов, исчисляя его со дня вступления в законную силу последнего судебного акта, принятием которого закончилось рассмотрение дела, и таким судебным актом является постановление суда той инстанции, на которой завершилась проверка доводов сторон спора.

Поскольку по данному делу такая проверка завершилась вынесением 6 декабря 2019 г. определения судьи Верховного Суда РФ, которым отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ, вопрос о возмещении судебных расходов, понесенных на всех стадиях судебного разбирательства, включая рассмотрение дела районным судом и судом апелляционной инстанции, мог быть поставлен путем

подачи заявления в суд первой инстанции в течение 3 месяцев со дня вынесения этого определения.

Е. обратилась в суд с заявлением о возмещении судебных расходов 6 марта 2020 г., т.е. в установленный законом срок.

Неверное исчисление судами срока подачи заявления Е. о возмещении судебных расходов повлекло необоснованное возвращение ее заявления без рассмотрения.

В связи с этим Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело по заявлению Е. о возмещении судебных расходов для рассмотрения по существу в суд первой инстанции.

Определение № 6-КГ21-3-К2

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Практика применения законодательства о банкротстве

11. Ликвидация кредитора в деле о банкротстве не является достаточным основанием для исключения ранее принадлежавшего ему требования из реестра требований кредиторов должника.

Определением суда первой инстанции в реестр требований кредиторов должника (далее — реестр требований) включено требование компании. Впоследствии компания определением суда заменена на ее правопреемника — общество.

В связи с внесением в Единый государственный реестр юридических лиц записи о прекращении деятельности общества конкурсный управляющий должника обратился в арбитражный суд с заявлением об исключении общества из реестра требований.

Суд первой инстанции, руководствуясь ст. 419 ГК РФ, заявление удовлетворил в связи с ликвидацией общества.

Постановлением арбитражного суда апелляционной инстанции определение суда первой инстанции отменено. Суд апелляционной инстанции исходил из того, что требование не может быть исключено из реестра требований до разрешения судом вопроса о процессуальном правопреемстве.

Постановлением арбитражного суда округа постановление арбитражного апелляционного суда отменено, определение суда первой инстанции оставлено в силе.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление арбитражного суда округа и определение арбитражного суда первой инстанции и оставила в силе постановление арбитражного суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Указывая на прекращение обязательств перед обществом вследствие его ликвидации (ст. 419 ГК РФ) в качестве основания для исключения требования из реестра требований, суд первой инстанции и арбитражный суд округа не учли, что само по себе прекращение деятельности юридического лица не влечет выбытие принадлежащих ему объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ). В отсутствие информации о том, как организация распорядилась этими объектами до прекращения своей деятельности, следует руководствоваться п. 8 ст. 63

ГК РФ, согласно которому оставшееся после удовлетворения требований кредиторов имущество юридического лица передается его участникам, имеющим корпоративные права в отношении юридического лица (ликвидационная квота).

Кроме того, суды не приняли во внимание положения ст. 64 ГК РФ, предусматривающие дополнительные гарантии для кредиторов, юридических лиц, исключенных из Единого государственного реестра юридических лиц, а также иных лиц, чьи права и законные интересы затрагиваются таким исключением. В частности, в силу п. 5² названной статьи в случае обнаружения имущества ликвидированного юридического лица, исключенного из Единого государственного реестра юридических лиц, заинтересованное лицо или уполномоченный государственный орган вправе обратиться в суд с заявлением о назначении процедуры распределения обнаруженного имущества среди лиц, имеющих на это право.

Помимо этого, положения ст.ст. 382, 384 ГК РФ предполагают возможность передачи кредитором принадлежащего ему требования другому лицу по сделке как в полном объеме, так и в части.

В связи с этим исключение из реестра требований кредитора, в отношении которого в Единый государственный реестр юридических лиц внесена запись о прекращении деятельности, создает препятствия для реализации заинтересованными лицами своих субъективных прав, в частности права на замену такого кредитора его правопреемником (ст. 48 АПК РФ).

Таким образом, сама по себе ликвидация кредитора в деле о банкротстве не является достаточным основанием для исключения ранее принадлежавшего ему требования из реестра требований.

При этом довод конкурсного управляющего о том, что вызванная ликвидацией организации неопределенность относительно личности кредитора, которому принадлежит включенное в реестр требование, может создавать препятствия при проведении процедуры банкротства, несостоятелен. В подобных случаях следует исходить из того, что до осуществления процессуальной замены требования такого кредитора не учитываются при определении количества голосов на собрании кредиторов, а также в иных случаях, где требуется наличие определенного порогового значения (например, при оспаривании сделок — ст. 61⁹ Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” (далее — Закон о банкротстве)). В то же время должник вправе внести причитающиеся для погашения данного требования денежные средства на депозит нотариуса (ст. 327 ГК РФ, ст. 87 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1).

Определение № 307-ЭС18-15392(3)

12. Превышение рыночной стоимости отчужденного имущества над договорной ценой само по себе не свидетельствует об осведомленности контрагента должника-банкрота о противоправной цели сделки для ее оспаривания на основании п. 2 ст. 61² Закона о банкротстве.

Общество и А. заключили и впоследствии исполнили договор купли-продажи нежилого помещения. В Едином государственном реестре

недвижимости зарегистрировано право собственности А.

Впоследствии общество признано банкротом, открыто конкурсное производство.

Конкурсный управляющий оспорил в суде продажу нежилого помещения, полагая, что сделка совершена в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов, в силу чего недействительна на основании п. 2 ст. 61² Закона о банкротстве, ст.ст. 10, 168 ГК РФ.

Определением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного апелляционного суда, в удовлетворении заявления отказано в связи с недоказанностью осведомленности А. о противоправной цели сделки. Суды пришли к выводу, что при заключении сделки А. действовал осмотрительно и разумно. На дату совершения сделки публичные сведения о несостоятельности должника отсутствовали. С учетом заключения судебной экспертизы по установлению рыночной стоимости спорного помещения суды установили, что цена сделки отличалась лишь на 30% от рыночной, что не говорило о существенном расхождении этой цены с рыночной и не могло свидетельствовать о совершении сделки на заведомо и значительно невыгодных для должника условиях с причинением существенного вреда кредиторам должника.

Арбитражный суд округа отменил принятые по делу судебные акты, указав, что разница между покупной ценой и рыночной в размере более чем 30% является существенной. При такой разнице в стоимости недобросовестность покупателя презюмируется и на него переносится бремя опровержения этого обстоятельства.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе определение суда первой инстанции и постановление апелляционного арбитражного суда по следующим основаниям.

С учетом установленных судами прочих обстоятельств совершения сделки, не ставящих под сомнение добросовестность покупателя, применение к нему столь низкого критерия осведомленности о цели сделки противоречит как судебной практике, так и целям правового регулирования торгового оборота.

Так, в частности, из разъяснений в абз. 3 п. 93 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 “О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации” следует, что если полученное одним лицом по сделке предоставление в несколько раз ниже стоимости предоставленного, совершенного в пользу другого, то это свидетельствует о наличии явного ущерба для первого и о совершении представителем юридического лица сделки на заведомо и значительно невыгодных условиях.

Согласно абз. 7 п. 2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 62 “О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица” под сделкой на невыгодных условиях понимается сделка, цена и (или) иные условия которой существенно в худшую для юридического лица сторону отличаются от цены и (или) иных условий, на кото-

рых в сравнимых обстоятельствах совершаются аналогичные сделки (например, если предоставление, полученное по сделке юридическим лицом, в 2 или более раза ниже стоимости предоставления, совершенного юридическим лицом в пользу контрагента).

В обоих случаях применен критерий кратности, явный и очевидный для любого участника рынка.

Критерий кратности превышения договорной цены над рыночной стоимостью может быть применен и при рассмотрении данного обособленного спора. Убедительных доводов, позволивших бы отойти от этих критериев, участниками судебного разбирательства не заявлено. В то же время данный вывод не исключает возможности в иных случаях обосновать применение более низкого критерия, например, если объект продажи широко востребован на рынке, спрос превосходит предложение.

Иной подход подвергает участников хозяйственного оборота неоправданным рискам полной потери денежных средств, затраченных на покупку, с учетом того, что содействие достижению противоправной цели влечет не только возврат покупателем приобретенного им имущества в конкурсную массу должника, но и субординирует (понижает очередность) требования такого кредитора (п. 2 ст. 61⁶ Закона о банкротстве).

Определение № 305-ЭС21-19707

13. Правопреемник кредитной организации по требованию, основанному на кредитном договоре, вправе инициировать в упрощенном порядке процедуру банкротства гражданина без представления в суд вступившего в законную силу судебного акта о взыскании долга в общеисковом порядке.

Между банком и заемщиками (физическими лицами) заключен кредитный договор, исполнение по которому обеспечено ипотекой земельного участка и залогом транспортного средства.

Впоследствии между банком и обществом заключен договор уступки прав (цессии), согласно которому банк (цедент) передает обществу (цессионарию) принадлежащие цеденту требования к заемщикам по кредитному договору, а также права, обеспечивающие исполнение указанного обязательства, и другие связанные с ним требования.

В связи с просрочкой исполнения кредитных обязательств общество направило заемщикам требования о досрочном возврате суммы кредита с причитающимися процентами.

Ссылаясь на неисполнение этого требования, наличие у заемщиков задолженности в сумме, превышающей 500 000 руб., просроченной свыше 3 месяцев, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании одного из заемщиков (должника) несостоятельным (банкротом) и о включении его требования в реестр требований кредиторов должника.

Определением арбитражного суда первой инстанции возбуждено производство по делу о несостоятельности (банкротстве) должника.

Впоследствии определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного апелляционного суда и арбитражного суда округа, производство по делу прекращено, заявление банка признано необоснованным. Суды исходили из того, что требования кредитора не подтвер-

ждены вступившим в законную силу судебным актом, не носят бесспорного характера, между заявителем и должником имеется спор о праве, который подлежит разрешению судом вне дела о банкротстве. При этом судами учтено, что между кредитором и должником имеются разногласия о размере задолженности и в суде общей юрисдикции рассматривается иск заемщиков о признании незаключенным кредитного договора в части неполученных кредитных денежных средств.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила принятые по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в связи со следующим.

В соответствии с абз. 2 п. 2 ст. 7 и абз. 7 п. 2 ст. 213⁵ Закона о банкротстве кредитные организации вправе инициировать процедуру несостоятельности своего должника по требованию, основанному на кредитном договоре, без представления в суд, рассматривающий дело о банкротстве, вступившего в законную силу судебного акта о взыскании долга в общеисковом порядке.

Критерием, допускающим возбуждение дела о банкротстве подобным упрощенным способом, выступает реализуемая кредитной организацией, обращающейся с соответствующим заявлением, деятельность по осуществлению банковских операций на основании специального разрешения (лицензии) Банка России (абз. 1 ст. 1 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 “О банках и банковской деятельности”).

Следовательно, для целей применения абз. 2 п. 2 ст. 7 и абз. 7 п. 2 ст. 213⁵ Закона о банкротстве судам необходимо проверять, является ли заявленное требование следствием реализации специальной правоспособности кредитной организации, и при установлении такового — разрешать по существу вопрос об их обоснованности и введении процедуры несостоятельности.

В рассматриваемом случае общество ссылалось на наличие приобретенного заявителем по договору уступки прав (требований) требования к должнику, возникшего из кредитного договора, обеспеченного залогом, заключенного между банком и должником.

С учетом закрепленного в п. 1 ст. 384 ГК РФ правила о переходе к цессионарию прав цедента в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода права, на требование заявителя распространяются положения абз. 7 п. 2 ст. 213⁵ Закона о банкротстве.

Таким образом, заявитель был вправе инициировать возбуждение процедуры банкротства должника в упрощенном порядке.

Определение № 306-ЭС21-19450

Практика применения гражданского законодательства

14. Пункт 5² ст. 64 ГК РФ не содержит исчерпывающего перечня лиц, имеющих право инициировать процедуру распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица, исключенного из Единого государственного реестра юридических лиц. Суд при рассмотрении заявления лица, обращающегося по вопросу назначения такой процедуры, должен проверить наличие у него заинтересованности в этом.

Общество, признанное судом несостоятельным (банкротом), исключено из Единого

государственного реестра юридических лиц в связи с завершением конкурсного производства. Данное общество имело дебиторскую задолженность, которая в рамках дела о банкротстве была продана с торгов. После ликвидации общества торги и договор, заключенный по их результатам, были признаны судом недействительными.

Конкурсный управляющий общества обратился в арбитражный суд с заявлением о назначении процедуры распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица, составляющего дебиторскую задолженность.

Решением суда первой инстанции заявление оставлено без удовлетворения.

Постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций решение суда оставлено в силе.

Суды исходили из того, что конкурсным управляющим не представлено доказательств обнаружения имущества ликвидированного юридического лица и наличия достаточных средств для осуществления данной процедуры. Кроме того, не имеется доказательств того, что истец имеет интерес на обращение в суд.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ судебные акты отменила, дело направила на новое рассмотрение, указав следующее.

В соответствии с п. 5² ст. 64 ГК РФ в случае обнаружения имущества ликвидированного юридического лица, исключенного из Единого государственного реестра юридических лиц, в том числе в результате признания такого юридического лица несостоятельным (банкротом), заинтересованное лицо или уполномоченный государственный орган вправе обратиться в суд с заявлением о назначении процедуры распределения обнаруженного имущества среди лиц, имеющих на это право. К указанному имуществу относятся также требования ликвидированного юридического лица к третьим лицам, в том числе возникшие из-за нарушения очередности удовлетворения требований кредиторов, вследствие которого заинтересованное лицо не получило исполнения в полном объеме. В этом случае суд назначает арбитражного управляющего, на которого возлагается обязанность распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица.

Заявление о назначении процедуры распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица может быть подано в течение 5 лет с момента внесения в Единый государственный реестр юридических лиц сведений о прекращении юридического лица. Процедура распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица может быть назначена при наличии средств, достаточных для осуществления данной процедуры, и возможности распределения обнаруженного имущества среди заинтересованных лиц.

Процедура распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица осуществляется по правилам Гражданского кодекса РФ о ликвидации юридических лиц.

Признание договора купли-продажи дебиторской задолженности недействительной сделкой в соответствии с п. 1 ст. 167 ГК РФ

влечет восстановление этой задолженности перед ликвидированным обществом. Такая задолженность является нереализованным вновь выявленным имуществом, за счет которого возможно удовлетворение требований кредиторов общества.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в абз. 3 п. 41 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 6 “О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств”, участники ликвидированного юридического лица, равно как и его кредиторы, не вправе самостоятельно обращаться с обязательственными требованиями юридического лица к его должникам, в частности с требованием вернуть переданное в аренду имущество, оплатить стоимость переданных товаров и т.п. В этом случае следует руководствоваться положениями п. 5² ст. 64 ГК РФ, устанавливающего процедуру распределения обнаруженного обязательственного требования.

Обращаясь с иском по этому делу, конкурсный управляющий указывал в том числе на то, что ранее конкурсным управляющим должника общества было произведено резервирование денежных средств для осуществления расчетов с кредиторами, заявитель имеет неудовлетворенные требования к ликвидированному юридическому лицу.

Отказывая в удовлетворении заявления обратившегося в суд лица со ссылкой на ликвидацию юридического лица по завершении процедуры банкротства, суды не учли, что указанное обстоятельство при установлении у него обнаруженного имущества не препятствует инициированию процедуры его распределения. Суды должны проверить наличие у заявителя заинтересованности в обращении с таким заявлением и его доводы о неполучении удовлетворения своих требований от ликвидированного должника.

Таким образом, положения п. 5² ст. 64 ГК РФ не содержат исчерпывающего перечня лиц, являющихся заинтересованными в процедуре распределения обнаруженного имущества ликвидированного лица, что возлагает на суд обязанность проверить наличие такой заинтересованности в каждом конкретном деле.

Определение № 304-ЭС21-14144

Практика применения законодательства об интеллектуальной собственности

15. Участник общества вправе оспорить регистрацию товарного знака за другим участником этого общества, если товарный знак является сходным до степени смешения с фирменным наименованием общества и такая регистрация не отвечает интересам общества.

Один из участников общества, являясь также его генеральным директором, зарегистрировал на свое имя словесный товарный знак, сходный до степени смешения с фирменным наименованием общества (тождественный произвольной части этого фирменного наименования на английском языке). Другой участник общества обратился в Роспатент с возражением против предоставления правовой охраны данному товарному знаку.

Роспатент отказал в удовлетворении возражения, поскольку пришел к выводу об отсутствии у заявителя, не осуществляющего одно-

родную деятельность в качестве индивидуального предпринимателя, экономического интереса и о недоказанности осуществления общественной деятельности, однородной услугам, в отношении которых предоставлена правовая охрана спорному товарному знаку. Кроме того, Роспатент указал на невозможность рассмотрения довода о злоупотреблении правом со стороны правообладателя в рамках спора, рассматриваемого в административном порядке.

Не согласившись с решением Роспатента, заинтересованный участник общества обратился в Суд по интеллектуальным правам с заявлением о признании этого решения недействительным.

Решением Суда по интеллектуальным правам заявление удовлетворено. Суд пришел к выводу, что действия лица, являющегося участником общества и его генеральным директором, по регистрации спорного товарного знака и переводу на себя всей деятельности общества являются злоупотреблением правом. Заявитель — один из участников общества и заинтересован в оспаривании предоставления правовой охраны известному товарному знаку. Руководствуясь ст. 10 ГК РФ, суд признал недействительным решение административного органа и обязал его аннулировать правовую охрану спорного товарного знака.

Президиум Суда по интеллектуальным правам отменил решение суда первой инстанции и отказал в удовлетворении заявления, указав на отсутствие заинтересованности у заявителя в оспаривании товарного знака и наличие иных способов защиты.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление президиума Суда по интеллектуальным правам и оставила в силе решение Суда по интеллектуальным правам, указав следующее.

В соответствии с положениями п. 2 ст. 1513 ГК РФ возражение против предоставления правовой охраны товарному знаку подается заинтересованным лицом. Такое лицо должно доказать наличие фактического интереса в прекращении правовой охраны зарегистрированного обозначения.

Согласно разъяснениям, изложенным в п. 171 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 “О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации”, при рассмотрении дела об оспаривании решения Роспатента о признании или об отказе в признании недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку, об оспаривании решения, вынесенного по результатам рассмотрения возражения на отказ в предоставлении правовой охраны товарного знака, суд на основании положений ст. 10 ГК РФ, ст. 10bis Конвенции по охране промышленной собственности (заключена в г. Париже 20 марта 1883 г.) вправе, исходя из имеющихся фактических обстоятельств, признать действия лица по регистрации товарного знака, в том числе подаче заявки на регистрацию товарного знака, злоупотреблением правом или недобросовестной конкуренцией и принять решение о признании недействительным решения Роспатента и об обязанности его аннулировать регистрацию товарного знака, оставить в силе решение Роспатента об аннулировании правовой охраны товарного знака или

об отказе в предоставлении правовой охраны товарному знаку.

Признание действий лица по регистрации товарного знака злоупотреблением правом невозможно в рамках рассмотрения заявления, содержащего отдельное требование о признании таких действий злоупотреблением правом, а осуществляется при рассмотрении дела об оспаривании решения Роспатента, вынесенного по результатам рассмотрения соответствующего возражения.

По смыслу ст. 10 ГК РФ для признания действий какого-либо лица злоупотреблением правом судом должно быть установлено, что умысел такого лица был направлен на заведомо недобросовестное осуществление прав, единственной его целью было причинение вреда другому лицу (отсутствие иных добросовестных целей). При этом злоупотребление правом должно носить достаточно очевидный характер, а вывод о нем не должен являться следствием предположений.

Судом первой инстанции было установлено, что общество учреждено с целью предоставления платных спортивных услуг, связанных с лыжным спортом, что нашло отражение в видах деятельности общества.

Один из его участников, являясь также генеральным директором общества и имея статус индивидуального предпринимателя, также осуществлял деятельность в области спорта и спортивных мероприятий, т.е. в сфере деятельности, для осуществления которой было создано общество. При таких обстоятельствах он не мог не знать, что регистрация товарного знака, сходного с фирменным наименованием общества (тождественным произвольной части этого фирменного наименования на английском языке), нарушает права и законные интересы других участников общества, а также право общества на фирменное наименование.

Судом установлено, что общество вело коммерческую деятельность в спорный период. Прекращение его деятельности произошло ввиду корпоративного конфликта.

Учитывая изложенное, суд первой инстанции обоснованно пришел к выводу о том, что действия по регистрации спорного товарного знака являются злоупотреблением правом по отношению к заявителю и обществу, и правомерно удовлетворил заявленные требования.

Определение № 300-ЭС21-11315

Практика применения земельного законодательства

16. Возведение на публичном земельном участке только объекта вспомогательного использования не влечет возникновения у его собственника права на приобретение в собственность публичного земельного участка в порядке, предусмотренном п. 1 ст. 39²⁰ ЗК РФ.

Общество на основании договора аренды владело двумя публичными земельными участками, один из которых был предоставлен для строительства и последующей эксплуатации офисного здания, а другой — для размещения парковки без права возведения капитальных объектов. Возведя и зарегистрировав в упрощенном порядке в Едином государственном реестре недвижимости право собственности на вспомогательные объекты (пункты охраны), общество обратилось в министерство с заявле-

нием о приобретении в собственность названных участков.

Министерство (орган, ранее уполномоченный распоряжаться публичными землями) и общество заключили договор купли-продажи земельных участков со ссылкой на подп. 6 п. 2 ст. 39³ и п. 1 ст. 39²⁰ ЗК РФ. Впоследствии администрация, к которой перешли полномочия по распоряжению публичными землями, ссылаясь на нарушение обществом правового режима спорных участков, отсутствие объектов недвижимости, в целях строительства которых предоставлялся один из участков, нарушение публичных интересов совершенными сделками и императивных положений земельного законодательства о приватизации участков, обратилась в арбитражный суд с иском о признании договоров купли-продажи участков ничтожными и применении последствий недействительности сделок.

Решением арбитражного суда первой инстанции в иске отказано.

Постановлениями арбитражного суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа решение оставлено без изменения.

При этом суды исходили из правомерности владения обществом спорными участками на основании договора аренды, наличия записи в Едином государственном реестре недвижимости о праве собственности общества на объекты, которые не были признаны самовольными постройками, и обоснованной реализации обществом исключительного права на выкуп спорных участков в порядке ст. 39²⁰ ЗК РФ.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и удовлетворила требования администрации в части признания недействительными договоров купли-продажи земельных участков, в части применения последствий недействительности сделок направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

В силу п. 1 ст. 39³ ЗК РФ по общему правилу продажа находящихся в государственной или муниципальной собственности земельных участков осуществляется на торгах, проводимых в форме аукционов.

Пунктом 2 указанной статьи установлены исключения из общего правила и приведен перечень случаев продажи земельных участков без проведения торгов.

В соответствии с подп. 6 п. 2 ст. 39³ и п. 1 ст. 39²⁰ ЗК РФ исключительным правом на приобретение в собственность земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, обладают граждане, юридические лица, являющиеся собственниками зданий, сооружений, расположенных на таких земельных участках.

По смыслу указанных норм, подлежащих применению с учетом общих положений земельного законодательства, обязывающих собственников земельных участков и лиц, не являющихся собственниками земельных участков, использовать земельные участки в соответствии с их целевым назначением (ст. 42 ЗК РФ), возникновение исключительного права на приобретение земельного участка без проведения торгов зависит от достижения той цели, для которой он предоставлялся лицу.

Выкуп земельного участка, находящегося в публичной собственности, без проведения

торгов лицом, имеющим в собственности здание (сооружение), правомерно возведенное на данном участке, обусловлен необходимостью обслуживания и использования такого объекта по назначению.

Арендатор-застройщик вправе возводить на публичном участке с учетом требований градостроительного регламента строения вспомогательного использования без получения разрешения на строительство и зарегистрировать на них право собственности в упрощенном порядке в соответствии с законодательством о регистрации недвижимости.

При этом из совокупного анализа пп. 2 и 3 ч. 17 ст. 51 и ч. 15 ст. 55 Градостроительного кодекса РФ и ст. 135 ГК РФ следует, что основными критериями для отнесения строений и сооружений к вспомогательным являются их принадлежность к виду сооружений пониженного уровня ответственности, отсутствие необходимости получения разрешительной документации на их строительство и наличие на земельном участке основного объекта недвижимого имущества, по отношению к которому такое строение или сооружение выполняет вспомогательную или обслуживающую функцию.

Арендатор публичного земельного участка, предоставленного для строительства объекта недвижимости, вправе самостоятельно определить очередность возведения вспомогательных объектов и принять решение об их создании до начала строительства основного объекта недвижимости. Однако приобретение такого участка в собственность путем выкупа на возмездной основе возможно только после окончания строительства основного объекта.

Таким образом, возведение на публичном земельном участке только объекта вспомогательного использования, в том числе при наличии государственной регистрации права собственности на этот объект, в отсутствие на этом земельном участке основного здания или сооружения не влечет возникновения у собственника вспомогательного объекта права на приобретение в собственность земельного участка в порядке, предусмотренном п. 1 ст. 39²⁰ ЗК РФ.

Определение № 302-ЭС21-14414

17. Придание нормативному правовому акту обратной силы допускается только в случаях, когда это прямо предусмотрено в самом акте и не ухудшает положение участника гражданского оборота.

Общество обратилось в комитет с заявлением о выдаче в соответствии со ст. 39³⁶ ЗК РФ разрешения на использование земельного участка, государственная собственность на который не разграничена, для размещения элемента благоустройства территории (элемента входной группы).

Комитет возвратил обществу заявление без рассмотрения, указав, что согласно подп. 8 п. 1 ст. 7 Закона Санкт-Петербурга от 8 ноября 2019 г. № 521-118 “О порядке и условиях размещения на территории Санкт-Петербурга объектов, размещение которых может осуществляться на землях или земельных участках, находящихся в государственной собственности Санкт-Петербурга или государственная собственность на которые не разграничена, без предоставления земельных участков и установления сервитутов, публичного сервитута” (далее — Закон № 521-118) размещение элементов благоустройства территории (эле-

ментов входов и входных групп) осуществляет на основании договора на размещение объекта без проведения аукциона.

Не согласившись с позицией комитета, общество обратилось в арбитражный суд с требованиями о признании незаконным бездействия комитета и об обязанности его в течение 1 месяца с даты вступления решения суда в законную силу выдать разрешение на использование земельного участка без его предоставления на 1 год для размещения элемента благоустройства территории.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного апелляционного суда и постановлением арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано.

Суды, руководствуясь положениями ст. 39³⁶ ЗК РФ и ст. 7 Закона № 521-118, указали, что после вступления в силу названного Закона размещение элемента благоустройства территории возможно только на основании договора, заключаемого без проведения аукциона.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Общество обратилось с заявлением о выдаче разрешения, предполагающего бездоговорное использование земельного участка на основании действующего Временного порядка взаимодействия структурных подразделений Комитета имущественных отношений Санкт-Петербурга при принятии решений о выдаче разрешений на использование земель и земельных участков, находящихся в государственной собственности в порядке, предусмотренном ст. 39³⁶ ЗК РФ, т.е. до вступления в силу Закона № 521-118. Рассмотрение заявления осуществлялось комитетом после указанной даты.

Отношения сторон по рассмотрению вопроса о выдаче разрешения на размещение спорного объекта являются длящимися и возникают с момента подачи соответствующего заявления заинтересованным лицом.

Указанный Закон регулирует не только непосредственно процедуру выдачи соответствующего разрешения, но и устанавливает порядок обращения заинтересованного лица с таким заявлением. Возвращая заявление общества, комитет указал на необходимость обращения с заявлением не о выдаче разрешения, а о заключении договора в соответствии с положениями Закона № 521-118, распространив тем самым на спорные отношения нормы закона, еще не вступившего в силу на день обращения заявителя в орган.

Земельное законодательство не содержит положений о действии во времени норм этого законодательства, в связи с чем действует общий принцип права, согласно которому применение закона с обратной силой может иметь место только в исключительных случаях и такое применение допускается только в силу прямого указания закона. В частности, данный принцип реализован в п. 1 ст. 4 ГК РФ, согласно которому акты гражданского законодательства не имеют обратной силы и применяются к отношениям, возникшим после введения их в действие. Действие закона распространяется на отношения, возникшие до введения его в действие,

только в случаях, когда это прямо предусмотрено законом.

Придание обратной силы закону — исключительный тип его действия во времени, использование которого относится лишь к прерогативе законодателя, который, реализуя свое исключительное право на придание закону обратной силы, учитывает специфику регулируемых правом общественных отношений. Обратная сила закона применяется преимущественно в отношениях, которые возникают между индивидом и государством в целом, и делается это в интересах индивида.

В данном случае, напротив, в результате применения закона с обратной силой в отношениях между публично-правовым образованием и частным лицом положение частного лица не улучшается, а ухудшается, т.е. обратная сила придается не в интересах этого лица, а в интересах публично-правового образования, заинтересованного в получении платы за размещение объекта на земельном участке. Соответственно, даже в случае, если бы закон непосредственно содержал положения о применении его норм с обратной силой, это бы противоречило неоднократно высказывавшейся позиции Конституционного Суда РФ.

С учетом изложенного, если принять во внимание, что Закон № 521-118 не содержит положений, расширяющих его действие на ранее возникшие отношения, он не может быть применен с обратной силой к возникшим имущественным отношениям.

Определение № 307-ЭС21-11714

Практика применения законодательства о налогах и сборах

18. Акты законодательства о налогах и сборах, повлекшие изменение условий предоставления льготы по налогу, не могут применяться с обратной силой к налогоплательщикам, которые приступили к осуществлению инвестиций и реализовали инвестиционные проекты в надлежащие сроки, если это приводит к ухудшению их положения.

Обществом реализован инвестиционный проект по созданию нового производства. При исчислении налога на имущество общество применило пониженную налоговую ставку в размере 0,2%, предусмотренную ст. 1 Закона Воронежской области от 27 ноября 2003 г. № 62-ОЗ “О налоге на имущество организаций”. Расчет ставки осуществлен исходя из соотношения стоимости всех основных средств (движимых и недвижимых), созданных при реализации инвестиционного проекта, и налоговой базы, определенной налогоплательщиком исходя из среднегодовой стоимости недвижимых объектов основных средств.

По результатам налоговой проверки налоговый орган пришел к выводу о неправомерном применении обществом пониженной ставки налога, мотивировав его тем, что при определении ставки необходимо исходить только из стоимости основных средств, являющихся недвижимым имуществом, поскольку в соответствии с изменениями, внесенными с 1 января 2013 г. в главу 30 “Налог на имущество организаций” НК РФ, вновь созданные после названной даты объекты движимого имущества освобождаются от налогообложения. По данному основанию налоговый орган доначислил обществу налог на имущество организаций.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявленного требования отказано.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, отметив следующие.

Согласно пп. 1—3 ст. 3 НК РФ законодательство о налогах и сборах основывается на признании всеобщности и равенства налогообложения, недопустимости дискриминационного налогообложения. Налоги должны иметь экономическое основание и не могут быть произвольными.

На основании подп. 3 п. 1 ст. 21, п. 1 ст. 56 НК РФ допускается установление льгот по налогам и сборам, предоставляемых отдельным категориям налогоплательщиков и плательщиков сборов, т.е. преимуществ по сравнению с другими налогоплательщиками или плательщиками сборов, включая возможность не уплачивать налог или сбор либо уплачивать их в меньшем размере, и гарантируется налогоплательщикам право использовать налоговые льготы при наличии оснований.

По смыслу закона налоговые льготы выступают формой имущественной поддержки (государственной помощи) отдельных категорий субъектов экономического оборота и признаются оправданным исключением из принципа всеобщности и равенства налогообложения в той мере, в какой это позволяет налогоплательщику эффективно распорядиться оставшимися после налогообложения финансовыми ресурсами и одновременно обеспечить удовлетворение лежащего в основе предоставления льготы публичного интереса, связанного со стимулированием деятельности отдельных отраслей экономики, улучшением социально-экономического положения территорий и т.п. При их предоставлении должен быть обеспечен равный подход — условия применения льгот должны толковаться и применяться таким образом, чтобы дифференциация прав налогоплательщиков осуществлялась по объективным и разумным критериям, отвечающим цели соответствующих законоположений.

Равенство прав инвесторов по общему правилу достигается при применении одинаковых условий предоставления льгот к налогоплательщикам, которые приступили к осуществлению инвестиций и реализовали инвестиционный проект в надлежащие сроки, поскольку ожидания налогоплательщиков-инвесторов относительно налоговой выгоды, которая может быть получена ими по окончании реализации инвестиционного проекта в результате применения соответствующих льгот, формируются на момент начала осуществления инвестиций.

В связи с этим принятые после начала реализации инвестиционного проекта акты законодательства о налогах и сборах в силу п. 1 ст. 3 и п. 2 ст. 5 НК РФ не могут применяться с обратной силой к дядщимся отношениям, связанным с осуществлением инвестиций, если это ухудшает положение налогоплательщи-

ков-инвесторов, в том числе в сравнении с иными субъектами инвестиционной деятельности, а именно исключает возможность применения льготы или уменьшает величину налоговой выгоды, извлекаемой инвестором из ее применения.

На момент заключения договора инвестиционной деятельности в налоговую базу по налогу на имущество организаций включалась стоимость всех основных средств, вне зависимости от того, являются они объектами движимого либо недвижимого имущества. Следовательно, действуя добросовестно, общество было вправе рассчитывать на то, что по окончании инвестиционного проекта оно сможет реализовать право на льготу и получить налоговую выгоду в соответствующем размере исходя из стоимости всех основных средств, вводимых в эксплуатацию по результатам инвестиционного проекта.

В такой ситуации само по себе изменение федерального законодательства, повлекшее опосредованным путем изменение условий, необходимых для применения ставки налога 0,2%, предусмотренной ст. 1 Закона Воронежской области “О налоге на имущество организаций”, не могло служить безусловным основанием для отказа в применении пониженной ставки налога для инвестора, приступившего к реализации инвестиционного проекта до принятия новых актов законодательства.

Определение № 310-ЭС21-11695

19. Российские хозяйствующие субъекты вправе применять ставку НДС 0% в отношении услуг (работ) по перевозке и транспортировке товаров в порядке международного транзита при соблюдении условий, предусмотренных законодательством.

Общество оказывало иностранной компании услуги по транспортировке грузов из портов погрузки в иностранных государствах в порты выгрузки вне российских территориальных вод. В отношении стоимости услуг по перевозке обществом применена ставка НДС 0%, предусмотренная подп. 3 п. 1 ст. 164 НК РФ, и заявлены налоговые вычеты в отношении товаров (работ, услуг), приобретенных на территории Российской Федерации для осуществления вышеуказанных перевозок. Налоговый орган отказал обществу в применении налоговых вычетов, в возмещении НДС, указав, что в силу положения ст. 148 НК РФ территория Российской Федерации не является местом реализации услуг, оказанных обществу.

Не согласившись с решением налогового органа, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявленного требования отказано. При этом суды отклонили доводы общества о необходимости применения подп. 3 п. 1 ст. 164 НК РФ, посчитав, что предусмотренная данной нормой ставка НДС 0% может применяться только в отношении вспомогательных услуг, связанных с транзитной перевозкой.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные

судебные акты и признала решение налогового органа незаконным, учитывая следующее.

По своей экономико-правовой природе НДС является косвенным налогом на потребление товаров (работ, услуг), взимаемым на каждой стадии их производства и реализации субъектами хозяйственного оборота до передачи потребителю, исходя из стоимости (цены), добавленной на каждой из указанных стадий, и перелаживаемым на потребителей в цене реализуемых им товаров, работ и услуг.

В системе норм главы 21 НК РФ применение ставки НДС 0% в отношении операций с экспортируемыми товарами (работами, услугами), конечное потребление которых происходит за пределами территории Российской Федерации, предопределяется правовой природой указанного налога, обусловлено целями избежания двойного налогообложения операции в стране происхождения и в стране назначения, целями поддержания конкурентоспособности экспортируемых товаров (работ, услуг).

Трансграничный характер деятельности налогоплательщика сам по себе не является обстоятельством, исключающим признание соответствующих операций облагаемыми НДС в Российской Федерации, а, напротив, выступает поводом для определения законодателем операций, в частности, связанных с экспортом товаров (работ, услуг), в отношении которых должен применяться правовой режим ставки НДС 0%.

Из содержания положений подп. 4², 5 п. 1 ст. 148 НК РФ вытекает, что в отношении услуг (работ), непосредственно связанных с перевозкой и транспортировкой товаров в порядке международного транзита, признается наличие их тесной связи с территорией Российской Федерации, если исполнителями услуг (работ) являются российские хозяйствующие субъекты, а сама перевозка (транспортировка) осуществляется через территорию Российской Федерации, в том числе с использованием российской транспортной инфраструктуры.

Выводы судов о допустимости применения положений подп. 4² п. 1 ст. 148 и подп. 3 п. 1 ст. 164 НК РФ только к вспомогательным услугам, исключая саму перевозку (транспортировку) грузов, не могут быть признаны правомерными, поскольку такое толкование противоречит целевому назначению данных норм как призванных обеспечить налогообложение экспортируемых российскими хозяйствующими субъектами услуг (работ) в соответствии с принципом страны назначения, создать дополнительные экономические стимулы для организации международного транзита грузов через территорию Российской Федерации, в том числе стимулы для использования в целях международного транзита пролегающих через Российскую Федерацию водных путей.

В рассматриваемой ситуации большая часть водного пути от места погрузки до места назначения пролегла через территорию Российской Федерации с обязательным заходом в российские порты г. Астрахани, г. Ростова-на-Дону и факультативным заходом в порт г. Красноармейска. Перевозимые иностранные товары были помещены под таможенную процедуру таможенного транзита в соответствии с главой 32 Таможенного кодекса Таможенного союза.

Заход в российские порты был обусловлен не только необходимостью прохождения надзорных процедур (в том числе таможенных), но и технологической необходимостью бесперебойного снабжения судов товарами, работами и услугами, необходимыми для их функционирования во время движения по российским водным путям. Основными приобретенными товарами являлись судовое топливо, мазут и судовое масло.

Данные доводы налогоплательщика по существу не оспаривались налоговым органом, не были опровергнуты в ходе рассмотрения дела.

Таким образом, при рассмотрении дела судами допущено неправильное толкование и применение положений главы 21 НК РФ, что привело к неправильному разрешению спора.

Определение № 301-ЭС21-16598

20. Налогоплательщик-покупатель вправе учесть расходы на приобретение товаров (работ, услуг) и налоговые вычеты по НДС только в той части, в которой налоги были уплачены лицом, осуществившим фактическое исполнение по сделке.

Налоговым органом проведена выездная налоговая проверка общества, по результатам которой составлен акт проверки и вынесено решение о доначислении обществу недоимки по налогу на прибыль, НДС, пеней и штрафов в связи с приобретением товаров (эмульгатора) у ряда поставщиков, не ведущих реальной экономической деятельности и не исполняющих обязанность по уплате налогов.

Не согласившись с результатами налоговой проверки, общество оспорило решение налогового органа в арбитражном суде.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявленного требования отказано.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, обратив внимание на следующее.

Исходя из положений пп. 1 и 3 ст. 3 НК РФ противодействие злоупотреблениям в сфере налогообложения выступает одной из целей правового регулирования в данной сфере, реализация которой является необходимой для обеспечения всеобщности и равенства налогообложения, взимания налогов в соответствии с их экономическим основанием, исключения произвольного налогообложения.

Как указано в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12 октября 2006 г. № 53 "Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды", при рассмотрении в арбитражном суде налогового спора налоговым органом могут быть представлены в суд доказательства необоснованного возникновения у налогоплательщика налоговой выгоды (п. 2). Налоговая выгода может быть признана необоснованной, в частности, в случаях, если для целей налогообложения учтены операции не в соответствии с их действительным экономическим смыслом или учтены операции, не обусловленные разумными экономическими или иными причинами (целями делового характера) (п. 3). Налоговая выгода не может быть признана обоснованной, если получена налогоплательщиком вне связи с осуществ-

лением реальной предпринимательской или иной экономической деятельности (п. 4).

Таким образом, не допускается извлечение налоговой выгоды из потерь казны налогоплательщиками, использующими формальный документооборот с участием организаций, не ведущих реальной экономической деятельности и не исполняющих налоговые обязательства в связи со сделками, оформляемыми от их имени.

В то же время противодействие злоупотреблениям в сфере налогообложения не должно приводить к определению налоговой обязанности в отношении более высокого размере — превышающем потери казны от неуплаты налогов, возникшие на той или иной стадии обращения товаров (работ, услуг), приобретенных налогоплательщиком. Иное означало бы применение ответственности, что выходит за пределы мер, необходимых для обеспечения всеобщности и равенства налогообложения.

Если в последовательность поставки товаров включены лица, не ведущие реальной финансово-хозяйственной деятельности и не уплачивающие налоги, и в распоряжении налогового органа имеются сведения и доказательства, в том числе раскрытые налогоплательщиком-покупателем, позволяющие установить лицо, которое действовало в рамках легального хозяйственного оборота (осуществило фактическое исполнение по сделке с товаром и уплатило причитающиеся при ее исполнении суммы налогов), то необоснованной налоговой выгодой покупателя может быть признана та часть расходов, учтенных при исчислении налога на прибыль организаций и примененных им налоговых вычетов по НДС, которая приходится на наценку, добавленную такого рода лицами.

Налоговым органом установлено, что в действительности приобретенная налогоплательщиком продукция (эмульгатор) поставлялась напрямую ее изготовителем. Налоговый орган располагал сведениями и документами, которые позволяли установить лицо, осуществившее фактическое исполнение по сделкам (организация-изготовитель) в рамках легального хозяйственного оборота, уплатившее налоги при поставке товара (эмульгатора) налогоплательщику в соответствующем размере. Однако при определении размера недоимки по налогу на прибыль организаций и НДС эти сведения налоговым органом фактически во внимание не приняты, что могло привести к произвольному завышению сумм налогов, пеней и штрафов, начисленных по результатам проверки.

Определение № 305-ЭС21-18005

Практика применения страхового законодательства

21. В оплате медицинской помощи сверх распределенного объема ее предоставления, установленного решением комиссии по разработке территориальной программы обязательного медицинского страхования, может быть отказано, если в установленном порядке объем медицинской помощи не был перераспределен.

Между обществом и страховой организацией заключен договор на оказание и оплату медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию, по условиям которого

общество обязалось оказать медицинскую помощь застрахованному лицу в рамках территориальной программы обязательного медицинского страхования, а страховая организация — оплатить медицинскую помощь, оказанную в соответствии с Территориальной программой обязательного медицинского страхования.

С марта по июль 2019 г. общество оказало медицинскую помощь сверх установленных объемов в связи с возросшей потребностью проведения диагностики застрахованных.

Общество направило страховой организации дополнительные счета и реестры счетов за указанные медицинские услуги, которые были возвращены по причине превышения объемов медицинской помощи и нарушения сроков предоставления счетов.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском о взыскании денежных средств в счет оплаты медицинской помощи, оказанной застрахованным лицам.

Решением суда первой инстанции требования общества удовлетворены.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении заявления отказано.

Постановлением суда кассационной инстанции постановление суда апелляционной инстанции отменено, решение суда первой инстанции оставлено в силе.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление суда кассационной инстанции и оставила в силе постановление суда апелляционной инстанции, указав следующее.

На основании ч. 14 ст. 38 Федерального закона от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» в случае выявления нарушений договорных обязательств территориальный фонд при возмещении страховой медицинской организации затрат на оплату медицинской помощи уменьшает платежи на сумму выявленных нарушений или неисполненных договорных обязательств.

Согласно ч. 1 ст. 40 названного Закона контроль объемов, сроков, качества и условий предоставления медицинской помощи медицинскими организациями в объеме и на условиях, которые установлены программами обязательного медицинского страхования, договором на оказание и оплату медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию и договором на оказание и оплату медицинской помощи в рамках базовой программы обязательного медицинского страхования, проводится в соответствии с порядком проведения контроля объемов, сроков, качества и условий предоставления медицинской помощи, устанавливающим в том числе формы его проведения, его продолжительность, периодичность, утвержденным уполномоченным федеральным органом исполнительной власти.

Контроль объемов, сроков, качества и условий предоставления медицинской помощи осуществляется путем проведения медико-экономического контроля, медико-экономической экспертизы, экспертизы качества медицинской помощи.

Согласно п. 5.3.2 приложения 8 к Порядку организации и проведения контроля объемов, сроков, качества и условий предоставле-

ния медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию, утвержденному приказом ФФОМС от 28 февраля 2019 г. № 36 (действовавшего в период возникновения спорных правоотношений), к нарушениям в оформлении и предъявлении на оплату счетов и реестров счетов, являющимся основанием для отказа в оплате медицинской помощи (уменьшения оплаты медицинской помощи), относится предъявление к оплате медицинской помощи сверх распределенного объема предоставления медицинской помощи, установленного решением комиссии по разработке территориальной программы обязательного медицинского страхования; счета и реестры счетов на оплату медицинской помощи, оказанной застрахованному лицу, должны представляться медицинской организацией в пределах установленных ей в надлежащем порядке объемов предоставления медицинской помощи; действующим законодательством предусмотрены необходимые правовые инструменты для обоснованной корректировки распределенного комиссией объема медицинской помощи в целях надлежащего исполнения обязательств по договору на оказание и оплату медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию сторонами этого договора.

Поскольку обществом оказаны услуги с превышением объемов предоставления медицинской помощи, счета и реестры счетов на спорную сумму не прошли формально-логический контроль в фонде, общество не обращалось с предложением о перераспределении объемов медицинской помощи, право на истребование у страховой организации спорной суммы у общества отсутствовало.

Определение № 308-ЭС21-5947

22. Если требование о возмещении убытков возникло из обязательств вследствие причинения вреда, а не основано на договоре перевозки, к нему применяется общий трехлетний срок исковой давности.

В результате утечки нефтепродуктов (дизельное топливо) произошло загрязнение почв и атмосферного воздуха, т.е. причинен вред окружающей среде.

После устранения указанной чрезвычайной ситуации страховая компания произвела выплату страхового возмещения ОАО “РЖД”, в связи с чем страховой компании перешло требование возмещения убытков от грузоотправителя цистерны и причинителя вреда (далее — общество).

Страховая компания обратилась к обществу с заявлением о возмещении убытков, однако получила отказ в его удовлетворении.

Не согласившись с отказом общества, страховая компания обратилась в арбитражный суд с соответствующим требованием.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявленных требований отказано. При этом суды исходили из того, что истцом пропущен специальный годичный срок исковой давности, установленный ст. 797 ГК РФ и ст. 126 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 18-ФЗ “Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации” (далее — Устав).

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

В соответствии со ст. 126 Устава сокращенный срок исковой давности (1 год) применяется, в частности, по искам перевозчиков к грузоотправителям (отправителям), возникшим в связи с осуществлением перевозки груза. При этом основания ответственности грузоотправителя (отправителя) определяются с учетом условий договора перевозки и положений главы VII “Ответственность перевозчиков, владельцев инфраструктур, грузоотправителей (отправителей), грузополучателей (получателей), пассажиров, операторов морских терминалов” Устава и могут быть связаны, например, со случаями непредъявления для перевозки предусмотренного принятой заявкой количества груза в тоннах, отказа грузоотправителя от предусмотренных заявкой вагонов, контейнеров (ст. 94), задержки вагонов (ст. 100), превышения грузоподъемности (перегруза) вагона, контейнера (ст. 102) и т.д.

Вместе с тем требование страховой компании, выплатившей страховое возмещение ОАО “РЖД”, не основано на подобных и иных обстоятельствах ответственности общества перед перевозчиком, непосредственно связанных с исполнением договора перевозки.

В своем требовании страховая компания ссылается на основания возмещения убытков в порядке суброгации, возникших из обязательств вследствие причинения вреда, размер которых истец определяет с учетом фактических затрат ОАО “РЖД” на восстановление нарушенного состояния окружающей среды.

Согласно п. 1 ст. 785 ГК РФ по договору перевозки груза перевозчик обязуется доставить вверенный ему отправителем груз в пункт назначения и выдать его управомоченному на получение груза лицу (получателю), а отправитель обязуется уплатить за перевозку груза установленную плату.

Исходя из диспозиции приведенной нормы причиняемый одним из таких лиц вред окружающей среде не охватывается правоотношениями по исполнению договора перевозки.

Заявленное страховой компанией требование основано в том числе на положениях ст.ст. 15, 1064 ГК РФ, при этом в соответствии со ст. 196 ГК РФ к требованиям о взыскании убытков, возникшим в данном случае из обязательств вследствие причинения вреда, применяется общий трехлетний срок исковой давности.

Сокращенный (годовой) срок исковой давности, установленный ст. 797 ГК РФ, а равно ст. 126 Устава, не распространяется на требования, основанные на нормах главы 59 “Обязательства вследствие причинения вреда” ГК РФ.

Применение судами не подлежащих применению в рассматриваемом случае ст. 797 ГК РФ, ст. 126 Устава привело к принятию неправильных судебных актов, которыми дело по существу заявленного требования не было разрешено. В связи с названными обстоятельствами Судебной коллегией дело было направлено на новое рассмотрение.

Определение № 305-ЭС21-15028

Практика применения положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

23. Представление декларантом таможенному представителю декларации о соответствии для представления ее в таможенный орган, повлекшее заявление таможенному органу недостоверных сведений о товарах, образует самостоятельные административные правонарушения при каждом декларировании товаров.

Общество представило своему таможенному представителю декларацию о соответствии для представления ее в таможенный орган в качестве документа, подтверждающего соблюдение ограничений, установленных международными договорами государств — членов Евразийского экономического союза, решениями Евразийской экономической комиссии, нормативными правовыми актами Российской Федерации, при декларировании товара.

В ходе таможенной проверки установлено, что декларация о соответствии получена с нарушением требований закона, т.е. при таможенном декларировании были представлены недостоверные сведения, в связи с чем постановлением таможенного органа общество привлечено к административной ответственности, предусмотренной ст. 16.7 КоАП РФ.

Не согласившись с указанным постановлением таможенного органа, общество оспорило его в арбитражном суде.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Суд кассационной инстанции отменил судебные акты и удовлетворил заявление общества, указав, что в рассматриваемом случае имели место однократные действия общества в виде передачи своему таможенному представителю указанной декларации о соответствии, которая впоследствии несколько раз представлялась таможенным представителем в таможенный орган при декларировании товаров, в связи с чем правонарушение приобрело характер единого продолжаемого правонарушения и его состав юридически был окончен с момента первого представления таможенным представителем в адрес таможенного органа недействительной декларации. Поскольку общество уже было привлечено к административной ответственности по ст. 16.7 КоАП РФ за представление таможенному представителю спорной декларации о соответствии, повлекшей заявление таможенному органу недостоверных сведений при декларировании товара в постановлении, которое признано законным вступившим в законную силу решением арбитражного суда, арбитражный суд округа пришел к выводу о повторном привлечении общества к административной ответственности за одно и то же административное правонарушение — представление недействительных документов при совершении таможенных операций.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление суда кассационной инстанции и остави-

ла в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции, указав следующее.

Применительно к диспозиции ст. 16.7 КоАП РФ элементами состава правонарушения являются: передача декларантом или иным лицом таможенному представителю или иному лицу для представления в таможенный орган при совершении таможенных операций документа, содержащего недостоверные сведения, которые могут послужить основанием для освобождения от уплаты таможенных пошлин, налогов или для занижения их размера, и (или) несоблюдение установленных международными договорами государств — членов Евразийского экономического союза, решениями Евразийской экономической комиссии, нормативными правовыми актами Российской Федерации запретов и ограничений; представление таможенным представителем или иным лицом указанного документа в таможенный орган при совершении таможенных операций.

Согласно условиям заключенного между обществом и таможенным представителем договора общество представляет таможенному представителю документы о соответствии на каждую оформляемую партию товара.

Из переписки общества и таможенного представителя следует, что документы о подтверждении соответствия направлялись обществом таможенному представителю на каждую оформляемую партию товара посредством электронной почты.

Обществу было известно о каждом факте декларирования конкретной партии товара, и при подаче каждой декларации на товары в таможенный орган общество давало таможенному представителю указание на представление спорной декларации о соответствии, являющейся недействительным документом.

Именно от волеизъявления общества зависело количество деклараций на товары, при подаче которых таможенному органу представлялась недействительная декларация о соответствии.

Таможенный представитель каждый раз, подавая в интересах общества декларацию на товары и представляя документы о соблюдении запретов и ограничений, в частности спорную декларацию о соответствии, совершал юридически значимые действия, которые приобретали такой статус именно с момента регистрации таможенным органом декларации на товары.

Таким образом, общество фактически представляло своему таможенному представителю недействительную декларацию о соответствии для ее представления в таможенный орган при подаче каждой декларации на товары на каждую оформляемую партию товара, тем самым совершало самостоятельные правонарушения.

Определение № 309-ЭС21-7843

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
1 июня 2022 г.)*

(Окончание в следующем номере)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Серков П.П. (главный редактор), **Асташов С.В.**, **Борисова Е.Е.**, **Глазов Ю.В.**,
Давыдов В.А., **Дзыбан А.А.**, **Журавлева Е.М.**, **Момотов В.В.**, **Нефедов О.Н.**,
Петрова Т.А., **Подносова И.Л.**, **Пчелинцева Л.М.**, **Рудаков С.В.**,
Хаменков В.Б., **Хомчик В.В.**, **Шилохвост О.Ю.**

Государственное учреждение —
издательство “Юридическая литература”
Администрации Президента Российской Федерации

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Малая Никитская, д. 19, стр. 1.
Телефоны: 495-691-57-40, 495-690-44-00.

За справками по вопросам подписки и распространения обращаться
по телефону 495-690-10-55.

E-mail: Yurizdat@gov.ru
<http://www.jurizdat.ru>

Подписано в печать 30.06.2022. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 4,65. Уч.-изд. л. 5,61. Тираж 7588 экз. Заказ 68-2022.

Отпечатано в ООО “СИНТЕРИЯ”.
127422, г. Москва, ул. Тимирязевская, д. 1, стр. 2, этаж 3, помещение I, чк 11.
Телефон: 495-636-27-08. E-mail: sinteria23051@yandex.ru

ЧИТАЙТЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

